С.С. ВАН ДАЙН

ПРОКЛЯТИЕ СЕМЬИ ГРИН

чай, кофе и убийства

Стивен Ван Дайн

Проклятие семьи Грин

Серия «Фило Вэнс», книга 3

Серия «Чай, кофе и убийства»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22680448
Проклятие семьи Грин: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-101080-5

Аннотация

Миллионер Тобиас Грин оставил весьма необычное завещание: чтобы получить наследство, его жена и пятеро детей должны четверть века прожить вместе в родовом имении.

Однако кто-то, похоже, задумал погубить всех членов семьи Грин, и вот уже двое из них – Джулия и Честер – убиты…

И поскольку полиция бессильна, к расследованию приступает знаменитый сыщик-любитель Фило Вэнс.

Содержание

Глава 1. Двойная трагедия 5
Глава 2. Расследование начинается 17
Глава 3. Особняк Гринов 33
Глава 4. Пропавший револьвер 47
Глава 5. У кого есть мотив? 63
Глава 6. Обвинение 76
Глава 7. Аргументы Вэнса 89
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Стивен Ван Дайн
Проклятие семьи Грин

© Школа перевода В. Баканова, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1. Двойная трагедия (Вторник, 9 ноября, 10.00)

Я давно уже недоумеваю, почему ведущие авторы-криминалисты, такие как Эдмунд Лестер Пирсон, Г. Б. Ирвинг, Филсон Янг, Кэнон Брукс, Уильям Болито и Хэролд Итон, не уделили должного внимания трагедии семейства Грин – выдающемуся, загадочному, практически уникальному делу в анналах преступности последних лет. Но, перечитывая собственные пространные записи и изучая разнообразные документы, я вижу, сколь немногое из этой истории стало достоянием общественности, и понимаю, что даже самое богатое воображение не помогло бы хроникерам восстановить белые пятна.

То, что лежит на поверхности, разумеется, широко известно. Больше месяца пресса двух континентов пестрела отчетами об ужасной трагедии, и даже краткого изложения хватало, чтобы удовлетворить жажду публики ко всему противоестественному и зрелищному. Однако то, о чем умалчивали, превосходит самый смелый полет фантазии, и, когда я сейчас берусь за перо, дабы предать огласке скрытые доселе факты, меня охватывает чувство нереальности, хотя я был свидетелем большинства описываемых событий и имею в своем распоряжении неоспоримые доказательства.

О дьявольской изобретательности убийцы, уродливых психологических мотивах гнусного преступления и неожиданном источнике его практической стороны мир не знает ничего. Ни разу не объяснялись аналитические шаги, которые привели к разгадке, равно как и сопутствующие обстоятельства – драматичные и экстраординарные сами по себе. Общественность полагает, что дело было раскрыто обычными полицейскими методами. Но это потому лишь, что ей неизвестны ключевые факторы преступления, а департамент полиции и прокуратура, словно сговорившись, о многом умолчали. Из опасения ли, что им не поверят, или просто не желая говорить о столь ужасных вещах, – судить не берусь.

Отчет, который я здесь представлю, – первое полное, без купюр, изложение Гринов[1]. Я считаю, что люди должны наконец узнать правду, ибо это часть истории, а исторических фактов не следует сторониться. Кроме того, нужно отдать должное человеку, раскрывшему преступление.

Примечательно, что тот, кто пролил свет на тайну и положил конец веренице кошмарных убийств, никак не связан с полицией, и его имя не фигурирует ни в одном официальном отчете. Тем не менее, если бы не его необычные методы криминальной дедукции, чудовищный заговор против семейства Грин был бы полностью претворен в жизнь.

---

[1] Само собой разумеется, я получил на это официальное разрешение. – *Примеч. авт.*

Полиция в своих поисках догматично опиралась на внешние факторы, в то время как преступник действовал на уровне, недоступном пониманию рядового следователя.

Человеком, который после недель упорного, изнурительного анализа проследил корень зла, был молодой аристократ и близкий друг Джона Ф. К. Маркхэма, окружного прокурора. Я должен хранить в тайне его имя, но в этих хрониках решил называть его Фило Вэнс. Несколько лет назад он перебрался из Америки на виллу под Флоренцией и возвращаться не намерен, а потому согласился на мою просьбу опубликовать рассказы о криминальных расследованиях, в которых он участвовал в качестве *amicus curiae*[2]. Маркхэм также ушел на покой, а сержант Эрнест Хис, храбрый и честный сотрудник отдела по расследованию убийств, который официально вел от лица полиции дело семейства Грин, неожиданно получил наследство и осуществил давнюю мечту – сейчас он разводит кур виандот на образцово-показательной ферме в долине Мохок. Таким образом, обстоятельства позволяют мне опубликовать личные записи, касающиеся названной трагедии.

Немного о моем собственном участии в расследовании. (Я говорю «участие», хотя на самом деле играл роль пассивного наблюдателя.) Несколько лет я был личным поверенным Вэнса. Я ушел из юридической конторы своего отца и пол-

---

[2] Консультант, советник (*лат.*). – *Здесь и далее примеч. пер., кроме особо оговоренных случаев.*

ностью посвятил себя юридическим и финансовым нуждам Вэнса, которых, кстати сказать, было немного. Мы дружили еще с гарвардских времен, и мои новые обязанности его юриста и управляющего финансами были необременительны и, кроме того, давали немалые социальные и культурные привилегии.

Вэнсу на тот момент исполнилось тридцать четыре. Он был без малого шести футов ростом, худощав, подтянут и элегантен. Точеные черты лица привлекали силой и правильностью, но язвительная холодность выражения не позволяла назвать его красивым. В отстраненных серых глазах и прямом тонком носе читались одновременно жесткость и аскетизм. Суровость черт служила непробиваемой броней между ним и его приятелями. Тем не менее Вэнс отличался восприимчивостью и живостью и, несмотря на некоторую холодность и высокомерие, безусловно, производил завораживающее впечатление на тех, кто его мало-мальски знал.

Образование он получил преимущественно в Европе и все еще сохранял легкий оксфордский акцент, хотя в этом не было никакой аффектации: его слишком мало заботило мнение окружающих, чтобы беспокоиться о поддержании образа. Он был неутомимым студентом. Его ум вечно жаждал знаний, и значительную часть времени он предавался изучению этнологии и психологии. Главным интеллектуальным увлечением Вэнса было искусство, и, по счастью, он располагал средствами, чтобы удовлетворять свою страсть к кол-

лекционированию. Однако именно интерес к практическому применению психологии заставил его впервые обратить внимание на криминальные проблемы, находившиеся в компетенции Маркхэма.

Ранее я уже писал, что первым расследованием с его участием было убийство Элвина Бенсона[3]. Далее последовала необъяснимая смерть знаменитой бродвейской красавицы Маргарет Оделл[4]. А поздней осенью того же года разразилась трагедия семейства Грин. Как и в первых двух случаях, я вел подробный отчет об этом новом деле. Я получил в свое распоряжение все возможные документы, сделал точные копии тех, что ушли в полицейский архив, и даже вкратце записал многочисленные разговоры, которые происходили между Вэнсом и официальными лицами во время совещаний и в частном порядке. Сверх того, я вел дневник, подробность и полнота которого заставили бы устыдиться даже Сэмюэла Пипса[5].

Дело семейства Грин началось, когда подходил к концу первый год Маркхэма в должности окружного прокурора. Как вы, может быть, помните, зима выдалась ранняя. В ноябре случилось две сильнейшие метели, и количество выпавшего снега побило все местные рекорды за восемнадцать лет.

---

[3] «Дело Бенсона». – *Примеч. авт.*

[4] «Смерть Канарейки». – *Примеч. авт.*

[5] Сэмюэл Пипс (1633–1703) – английский чиновник и автор знаменитого дневника о повседневной жизни лондонцев.

Я упоминаю ранний снег, ибо он сыграл зловещую роль и был поистине ключевым фактором преступного плана. Никто до сих пор не понял и даже не заподозрил связь между аномальной погодой той поздней осени и фатальной трагедией, обрушившейся на дом Гринов, но это потому лишь, что темные подробности дела хранились в тайне.

Убийство Бенсона вторглось в жизнь Вэнса в результате непосредственного предложения со стороны Маркхэма, а участие в деле Канарейки было вызвано его собственным желанием помочь. Однако расследование в особняке Гринов коснулось его по чистой случайности. В течение двух месяцев, которые прошли после убийства Канарейки, Маркхэм несколько раз обращался к Вэнсу по спорным вопросам в ходе своей рутинной работы, и именно во время неофициального обсуждения одной из таких проблем было впервые упомянуто дело семейства Грин.

Маркхэм и Вэнс были старыми друзьями. Несмотря на разницу во вкусах и даже этических взглядах, они испытывали друг к другу глубокое уважение. Я часто удивлялся дружбе этих противоположностей, но с течением лет стал все больше ее понимать. Их тянули друг к другу те самые качества, которые – как каждый из них, возможно, не без тайного сожаления сознавал – отсутствовали в их собственной натуре. Маркхэм был прямолинеен, грубоват, порою властен, смотрел на жизнь с мрачной озабоченностью и, несмотря ни на какие преграды, следовал велению своей юридической со-

вести: честный, неподкупный и неутомимый. Вэнса же отличали беспечность, изысканные манеры и вечный цинизм Ювенала. Иронически улыбаясь пред лицом самой горькой реальности, он неизменно играл роль капризно-равнодушного наблюдателя. При этом он разбирался в людях так же хорошо, как в искусстве, и поразительно точно проникал в их мотивы и характеры, в чем у меня неоднократно была возможность убедиться. Маркхэм знал об этих качествах Вэнса и ценил их по достоинству.

Не пробило еще и десяти часов утра, когда девятого ноября мы с Вэнсом подъехали к старому зданию уголовного суда на углу Фрэнклин и Сентер-стрит и поднялись на четвертый этаж в кабинет окружного прокурора. В тот знаменательный день Маркхэм проводил перекрестный допрос двух гангстеров, которые обвиняли друг друга в смертельном выстреле во время вооруженного ограбления кассы. Следовало определить, кому из двоих предъявлять обвинение в убийстве, а кого задерживать как соучастника и свидетеля. Маркхэм и Вэнс обсуждали ситуацию накануне вечером в клубе «Стайвесант», и Вэнс выразил желание присутствовать на допросе, на что Маркхэм с готовностью согласился. Этим и объясняется наш ранний визит.

По окончании часового допроса Вэнс пришел к неожиданному выводу, что оба мужчины невиновны.

– Знаете, Маркхэм, – протянул он, когда шериф увел заключенных обратно в городскую тюрьму, – эти два Джека

Шеппарда[6] абсолютно искренни: каждый уверен, что говорит правду. *Ergo*[7], не стрелял ни тот, ни другой. Вот незадача. Совершенно очевидно, что они негодяи и по ним виселица плачет, и чертовски жаль, что нельзя логически завершить их карьеру… Послушайте, а не было в ограблении третьего участника?

Маркхэм кивнул.

– Третий сбежал. Они говорят, что это Эдди Малеппо, известный гангстер.

– Значит, Эдуардо вам и нужен[8].

Маркхэм не ответил, и Вэнс лениво поднялся и протянул руку к пальто.

– Кстати, – сказал он, одеваясь, – я смотрю, наша жизнерадостная пресса сегодня украсила первые страницы заголовками о погроме в старом особняке Гринов. Что там вчера произошло?

Маркхэм быстро взглянул на часы на стене и помрачнел.

– Вы мне кое-что напомнили. Честер Грин звонил сегодня ни свет ни заря и настаивал на встрече. Я просил его прийти в одиннадцать.

– При чем здесь вы? – Вэнс отпустил дверную ручку и

---

[6] Знаменитый лондонский разбойник XVIII века, герой песен и баллад.

[7] Следовательно (*лат.*).

[8] Вэнс оказался прав. Почти год спустя Малеппо арестовали в Детройте, экстрадировали в Нью-Йорк и признали виновным в убийстве. Два его подельника были благополучно осуждены за ограбление и отбывают длительные сроки в тюрьме «Синг-Синг». – *Примеч. авт.*

вытащил портсигар.

– А ни при чем! – огрызнулся Маркхэм. – Но люди думают, что кабинет окружного прокурора – это такая клиринговая контора на все случаи жизни. Правда, Честера Грина я знаю давно – мы вместе играем в гольф в клубе «Мэрилебон». Так что придется выслушивать его стенания, хотя все ясно как день: кто-то пытался присвоить их знаменитое столовое серебро.

– Ограбление, говорите? – Вэнс несколько раз затянулся сигаретой. – И при этом подстрелили двух женщин?

– А! Несчастный случай! По всему видно – непрофессионал. Запаниковал, устроил стрельбу и сбежал.

– Звучит чертовски любопытно. – Вэнс рассеянно опустился в большое кресло у двери. – Старинное серебро пропало?

– Все на месте. Вора, очевидно, спугнули, и он не успел ничего взять.

– Не слишком ли сложно? Вор-непрофессионал проникает в богатый дом, бросает алчный взгляд на столовое серебро, пугается, идет наверх и палит по двум женщинам в будуарах, а затем скрывается… Очень трогательно. Откуда такая душещипательная теория?

Маркхэм готов был вскипеть, но сдержался.

– Когда прошлой ночью перенаправили звонок из управления, дежурил Федерджилл. Он выехал на место вместе с

полицией и согласен с их выводами[9].

– Я, так и быть, подожду и послушаю, зачем Честеру Грину понадобилось с вами любезничать.

Маркхэм поджал губы. В то утро он был не в лучшем расположении духа, и легкомысленное любопытство Вэнса его задело. Секунду спустя он неохотно сказал:

– Ну, если неудачное ограбление так вас интересует, можете, если очень хотите, остаться и послушать.

– Я останусь, – улыбнулся Вэнс, снимая пальто. – Я слаб – просто не могу отказать, когда меня умоляют… И который из Гринов Честер? Кем он приходится покойным?

– Покойной, – снисходительно поправил Маркхэм. – Старшая дочь, незамужняя женщина сорока с небольшим, умерла сразу. У младшей, в которую тоже стреляли, кажется, есть шанс выкарабкаться.

– А Честер?

– Честер – старший сын, ему около сорока. Он первый оказался на месте после выстрелов.

– А другие члены семьи? Я знаю, что старый Тобиас Грин отправился к своему Создателю.

– Да, Тобиас умер лет двенадцать назад. Но жена его все еще жива, хотя и парализована. Помимо нее, есть – вернее, было – пятеро детей: старшая, Джулия; Честер; еще одна

---

[9] Амос Федерджилл занимал должность заместителя окружного прокурора. Впоследствии он успешно баллотировался в Ассамблею от демократической партии. – *Примеч. авт.*

дочь, Сибелла, которой, я бы сказал, нет тридцати; Рекс, болезненный, погруженный в книги молодой человек, младше Сибеллы примерно на год, и Ада, приемная дочь лет двадцати двух или двадцати трех.

– И убили Джулию, так? А которая из двух других ранена?

– Младшая, Ада. Если не ошибаюсь, ее комната – напротив, на другой стороне коридора, и вор попал туда случайно, когда искал выход. Насколько я понимаю, он вошел к ней сразу после убийства Джулии, увидел, что ошибся, снова выстрелил, а затем спустился вниз и скрылся через парадную дверь.

Некоторое время Вэнс молча курил.

– Ваш гипотетический грабитель заблудился не на шутку, если принял спальню Ады за лестницу, а? И потом, спрашивается: что этот неизвестный джентльмен, заглянувший за столовым серебром, делал наверху?

– Вероятно, искал драгоценности. – Терпение Маркхэма стремительно таяло. – Мне-то откуда знать? – В его голосе сквозила ирония.

– Ну-ну, Маркхэм! – примирительно сказал Вэнс. – Не обижайтесь. Ограбление у Гринов обещает прекрасную пищу для научного анализа. Позвольте мне удовлетворить свою праздную прихоть.

В это мгновение открылась дверь, выходящая в узенький тамбур между кабинетом окружного прокурора и приемной, и вошел Свэкер, молодой энергичный секретарь Маркхэма.

– К вам Честер Грин, – объявил он.

Глава 2. Расследование начинается (Вторник, 9 ноября, 11.00)

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: посетитель крайне встревожен. Впрочем, это не вызывало сочувствия. Честер Грин не понравился мне с первой секунды. Он был среднего роста, лысоват, довольно тучен и весь какой-то рыхлый. В одежде, несмотря на педантизм, сквозила наигранность. Я отметил излишне тугие манжеты, нарочито строгий ворот и яркий шелковый платок, театрально выглядывавший из нагрудного кармана. Припухшие веки над близко посаженными глазами наводили на мысль о больных почках. Добавьте к этому светлые короткие усы, вялый рот, слабый подбородок и резкую складку под нижней губой. Мне он показался олицетворением холеной праздности.

Окружной прокурор пожал гостю руку и представил ему нас с Вэнсом. Грин сел, вынул дорогую русскую сигарету в коричневой бумаге и аккуратно вставил ее в янтарный с золотом мундштук.

– Вчера в нашей берлоге произошло черт-те что, – начал он, щелкая зажигалкой из слоновой кости. – Маркхэм, займитесь этим лично, а? Очень меня обяжете. Что полиция? Таким манером они ничего не раскопают. Неглупые ребята, но есть в деле что-то… Слов не подберу. Не нравится мне

все это.

Несколько мгновений окружной прокурор буравил его глазами.

– Что вас так беспокоит?

Посетитель смял едва раскуренную сигарету и в нерешительности забарабанил пальцами по подлокотнику.

– Сам не знаю. Очень странная история. Темная. Не могу толком объяснить. Только чувствую: если вовремя не разберемся, кошмару этому не будет конца.

– Мистер Грин, очевидно, обладает даром ясновидения, – невинно заметил Вэнс.

Тот в ответ резко обернулся и смерил его тяжелым взглядом.

– Вздор! – Он достал еще одну сигарету и вновь обратился к Маркхэму: – Ну хоть взгляните, что и как.

Прокурор колебался.

– Но почему я, а не полиция? Должна же быть причина.

– Нет, то-то и оно. – Грин закурил, и рука его словно бы дрогнула. – Не укладывается у меня в голове эта кража, и все тут.

Трудно было понять, говорит он искренне или лукавит. Не покидало ощущение, что за напряженностью этого господина таится страх. И он совсем не походил на человека, убитого горем.

– Версия ограбления, насколько я могу судить, подкреплена фактами, – заявил Маркхэм. – Известно немало случа-

ев, когда преступник пугался, терял голову и начинал палить без разбору.

Грин стремительно встал и принялся расхаживать взад-вперед.

– Доказать я не могу, – пробормотал он. – Тут шестое чувство, понимаете? Меня просто холодный пот прошиб!

– Все это несколько запутанно и туманно, – вежливо заметил Маркхэм. – Я склонен думать, что вы слишком потрясены. Через день-другой полиция…

Грин поморщился.

– Бесполезно. Говорю же, никого они не найдут. Я чувствую. Вот тут. – Он манерно приложил к груди ухоженную руку.

Вэнс, до сих пор наблюдавший за ним с легким любопытством, вытянул ноги и выразительно возвел глаза к небу.

– Простите, что отрываю вас от эзотерических изысканий, но все-таки… кому могли помешать ваши сестры?

Вопрос поставил Грина в тупик.

– Никому, – ответил он наконец. – По-моему. Две слабые женщины. Кто ж, помилуйте, поднимет руку?

– Ни малейшего представления. Но в них стреляли, а версию ограбления вы исключаете. Посему логично предположить, что кому-то выгодна их смерть. Вы брат, живете, так сказать, *en famille*[10] и можете знать их недоброжелателей.

Грин вскипел.

---

[10] В кругу семьи (*фр.*).

– Нет, нет и еще раз нет! – Он исподлобья посмотрел на Вэнса, а затем, обращаясь к окружному прокурору, продолжил доверительно: – Неужели вы думаете, я скрыл бы их имена? Да я сам не свой. Всю ночь перебирал в голове факты, но… не понимаю.

Маркхэм кивнул, отошел к окну и, заложив руки за спину, устремил взгляд вниз на серые каменные стены городской тюрьмы.

Несмотря на кажущееся безразличие, Вэнс не спускал с Грина глаз и теперь, слегка выпрямившись в кресле, дружелюбно произнес:

– Так что произошло вчера вечером? Расскажите подробнее. Насколько я понял, вы первым увидели мисс Джулию и мисс Аду после выстрелов?

– Только Джулию, – неприязненно возразил Грин. – Аду нашел Спроут, дворецкий. Она была без сознания. Вся спина в крови.

– Спина? – Вэнс вскинул брови и подался вперед. – Так в нее стреляли сзади?

– Да. – Грин нахмурился, как будто данное обстоятельство тоже его смущало, и озабоченно осмотрел свои ногти.

– А в мисс Джулию?

– Нет, в нее – спереди.

– Поразительно! – Вэнс пустил колечко дыма в направлении пыльной люстры. – И обе дамы к тому времени ушли к себе?

– Часом раньше… Только при чем здесь это?

– Как знать, как знать. Подобные мелочи весьма кстати, когда ищешь загадочную причину паранормальных проявлений в сознании.

– Да прекратите вы! – рявкнул Грин. – Как будто нельзя ничего чувствовать, если только ты не…

– Ну-ну, не горячитесь. Вы просите помощи у окружного прокурора, и, чтобы дать вам ответ, ему неплохо бы знать некоторые подробности.

Маркхэм отошел от окна и присел на край стола, своим видом показывая, что согласен с Вэнсом. В нем проснулось любопытство.

Грин поджал губы и засунул портсигар в карман.

– Ладно. Спрашивайте.

– Будьте любезны, – мелодично начал Вэнс, – расскажите по порядку, как развивались события после первого выстрела. Полагаю, выстрел вы слышали?

– Еще бы, как же иначе – у нас с Джулией соседние комнаты, и я еще не спал. Сунул ноги в шлепанцы, накинул халат, вышел в коридор. Нащупал в темноте ее дверь, заглянул – боялся, что сейчас получу пулю в лоб, – и вижу: она на кровати, ночная рубашка в крови. Больше никого, хотя я пришел сразу. И тут опять выстрел. Мне показалось, у Ады. Я к тому времени был уже немного не в себе. Растерялся. Так и стоял у кровати в оцепенении, да что уж – в ужасе…

– Прекрасно вас понимаю.

Грин кивнул.

– Черт, врагу не пожелаешь. Так вот, пока я там стоял, на лестнице сверху, с этажа прислуги, послышались шаги старого Спроута. Он нашарил дорогу в темноте и открыл дверь Ады. Позвал меня. Ада лежала у туалетного столика. Мы перенесли ее на кровать. У меня подкашивались ноги – я почему-то каждую секунду ждал нового выстрела. Потом Спроут из передней позвонил доктору Вонблону.

– Пока все согласуется с версией об ограблении, – заметил Маркхэм. – Более того, Федерджилл, мой помощник, сообщил, что на снегу перед домом обнаружены две пары следов.

Грин только пожал плечами.

– Кстати! – Вэнс, развалившись в кресле, глядел куда-то вдаль. – Вы упомянули, что увидели мисс Джулию на кровати. То есть вы включили свет?

– Да нет! – ответил Грин озадаченно. – Он и так горел.

В глазах Вэнса вспыхнула искра.

– А в комнате мисс Ады?

– Тоже.

Вэнс вытащил из кармана портсигар и, стараясь не выдать возбуждения, внимательно выбрал сигарету.

– Так, значит, свет горел в обеих комнатах… Прелюбопытно.

Маркхэм вопросительно посмотрел на него. Он, как и я, знал эту характерную маску безразличия.

Вэнс неторопливо закурил.

– Как, по-вашему, сколько времени прошло между выстрелами?

Грин, хотя и не в восторге от перекрестного допроса, с готовностью ответил:

– Две-три минуты, не больше.

– И все-таки, – развивал мысль Вэнс, – после первого выстрела вы поднялись, оделись, прошли по темному коридору до другой комнаты, осторожно заглянули внутрь, приблизились к кровати – и только потом прогремел второй выстрел. Я верно излагаю?

– Совершенно верно.

– Так-так… Две-три минуты, говорите. Да, не меньше. Потрясающе!

Вэнс обернулся к Маркхэму.

– Знаете, старина, не хочу на вас давить, но мне кажется, вам стоит внять просьбе мистера Грина. У меня тоже предчувствие. Внутренний голос подсказывает мне, что ваш эксцентричный взломщик – не иначе как *ignis fatuus*[11].

Маркхэм с любопытством вгляделся в его лицо. Вопросы Вэнса вызвали в нем живой интерес. К тому же он по опыту знал, что тот не станет говорить без веской причины. Так что я нисколько не удивился, когда прокурор повернулся к беспокойному посетителю со словами:

– Уговорили. Я посмотрю, что можно сделать. Скорее всего, заеду к вам во второй половине дня. И пусть никто нику-

---

[11] Здесь: обманчивая надежда (*лат.*).

да не уходит – мне нужно опросить обитателей дома.

– Семья и прислуга – все будут на месте.

Грин протянул для рукопожатия трепещущую руку и прошествовал к выходу.

Вэнс испустил вздох.

– Неприятный субъект, Маркхэм, ох и неприятный. Если в Конгрессе нужно общаться с ему подобными, я в политику ни ногой!

Окружной прокурор недовольно поморщился и сел за стол.

– Грин украшает собой не политику, а светскую жизнь, – ехидно произнес он. – Так что это, скорее, фигура с вашего тотема.

– Подумать только! – Вэнс с наслаждением потянулся. – Тем не менее вьется он вокруг вас. А меня, чувствую, не слишком жалует.

– Вы вели себя с ним довольно-таки бесцеремонно. Сарказм не лучший способ понравиться.

– Старина, я и не жажду его расположения.

– Думаете, он что-то недоговаривает?

Вэнс перевел взгляд на унылое небо за окном.

– Хотел бы я это знать… А скажите, в семействе Грин все такие, как Честер? В последние годы я мало вращался среди элиты и, к своему прискорбию, незнаком с набобами Ист-Сайда.

Маркхэм задумчиво кивнул.

– Боюсь, что так. Молодежь вырождается. То ли дело старик Тобиас-третий, отец Честера. Грубоватый был человек, но весьма достойный. На нем, видимо, и закончилась хорошая кровь Гринов. Нынешнее поколение тронул тлен. Как паданцы на земле – не совсем еще гнилые, но уже с червоточиной. Слишком много денег, удовольствий и никакого удержу. Так я полагаю. Впрочем, теперь в них есть некоторая склонность к мыслительной деятельности. Они все довольно развиты, хотя пустышки и лентяи. Собственно, я думаю, вы Честера недооцениваете. Несмотря на все его банальности и жеманство, он далеко не глуп.

– Недооцениваю? Я?! Маркхэм, дорогой мой! Вы ко мне вопиюще несправедливы. Нет-нет, наш Честер вовсе не напыщенный осел. Он даже умнее, чем вы думаете. Под этими отечными веками прячется пара очень хитрых глаз. Кстати, именно его напускная недалекость навела меня на мысль, что вам стоит вмешаться.

Маркхэм откинулся в кресле и прищурился.

– На что вы намекаете?

– Ни на что. Так, необъяснимое предчувствие, некий внутренний голос… Почти как у Честера. – Вэнс не был намерен распространяться.

Маркхэм верно истолковал его уклончивость и, помолчав немного, хмуро повернулся к телефону.

– Если за это браться, нужно выяснить, кто ведет следствие и что им уже известно.

Он позвонил инспектору Морану, руководителю сыскного отдела, и, перебросившись с ним несколькими фразами, улыбнулся.

– Делом занимается ваш приятель, сержант Хис. Он как раз в конторе и скоро подойдет[12].

Не прошло и четверти часа, как Хис был в кабинете окружного прокурора. Прошлой ночью он почти не отдохнул, однако выглядел на редкость бодрым, энергичным и, как всегда, невозмутимым. Голубые глаза на широком упрямом лице смотрели с обычной проницательностью. Он вежливо, хотя и несколько холодно, поздоровался с Маркхэмом. Потом, завидев Вэнса, расплылся в добродушной улыбке.

– Не иначе как мистер Вэнс! Все вычисляете преступников, сэр?

Вэнс поднялся и протянул ему руку.

– Увы и ах, сержант. С нашей последней встречи я больше занимался архитектурой Ренессанса, терракотовой лепниной фасадов и прочими пустяками[13]. Но с удовольствием отмечаю, что преступность снова растет. Без загадочных

---

[12] Сержант Эрнест Хис из отдела по расследованию убийств занимался делом Бенсона и делом Канарейки. В первом из них он откровенно противостоял Вэнсу, но со временем между ними возникла своего рода дружба. Вэнса восхищала неутомимость и прямота сержанта, а Хис, с некоторыми оговорками, отдавал должное интеллекту Вэнса. – *Примеч. авт.*

[13] Прочитав рукопись, Вэнс попросил непременно упомянуть, что Национальное общество любителей терракоты недавно выпустило в Нью-Йорке прекрасный томик под названием «Терракота времен итальянского Возрождения». – *Примеч. авт.*

убийств, знаете ли, жизнь становится дьявольски однообразной.

Хис давно уже привык к шутливой болтовне Вэнса и научился читать между строк. Он лишь прищурился и вопросительно повернулся к окружному прокурору.

– Меня интересуют Грины, сержант.

Хис тяжело опустился в кресло и сунул в рот черную сигару.

– Я так и думал. Но пока мы в потемках. Ищем всех, кто бы мог иметь отношение к делу, проверяем алиби на прошлую ночь. Уйдет несколько дней. Успей этот висельник взять ценности, выходили бы на него через ростовщиков и барыг. А так его что-то спугнуло – и он давай стрелять. Боюсь, новичок. И это все усложняет.

Хис чиркнул спичкой и, прикрывая ее ладонями, принялся ожесточенно раскуривать сигару.

– Что еще вы хотели знать?

Маркхэм помедлил. Его смущало, что сержант тоже поддерживает версию банального ограбления.

– Приходил Честер Грин. Он убежден, что это не вор, и просит меня, в порядке одолжения, участвовать в расследовании.

Хис недоверчиво хмыкнул.

– Кто же еще устроит такую пальбу? Только грабитель, со страху.

Ему ответил Вэнс:

– Не исключено. Но в обеих комнатах горел свет, хотя дамы часом ранее отправились спать. Кроме того, между выстрелами прошло несколько минут.

– Да знаю я, знаю, – возразил Хис нетерпеливо. – Если это кто-то новенький, то поди угадай, что там на самом деле стряслось. Когда они теряют голову…

– Вот именно! Когда грабитель теряет голову, он не склонен расхаживать по комнатам, зажигая свет. Даже если предположить, что ему известно, где и как это сделать. Тем более он не будет в перерыве между столь фантастическими занятиями несколько минут прохлаждаться в темном коридоре. Особенно после первого выстрела, когда дом уже разбужен. Паника? Я бы не сказал. Скорее, умысел. И далее, почему ваш драгоценный непрофессионал веселится наверху в будуарах, если его трофеи находятся в столовой на первом этаже?

– Узнаем завтра, когда повяжем негодяя, – упорствовал Хис.

– Дело в том, – вклинился Маркхэм, – что я обещал мистеру Грину присоединиться к расследованию, и мне нужны все имеющиеся сведения. Вы, конечно, понимаете, что я никоим образом не буду мешать. Лавры в любом случае достанутся только вашему отделу.

– Я вовсе не против, сэр. – Хис по опыту знал, что сотрудничество с Маркхэмом не грозит потерей наград. – Но что бы там ни говорил мистер Вэнс, вы только зря потратите время.

– Возможно, – согласился окружной прокурор, – тем не менее я дал слово и думаю выбраться к Гринам сегодня во второй половине дня. Будьте добры, обрисуйте положение вещей.

– Особо-то нечего рассказывать. – Хис задумчиво пожевал сигару. – Вчера я ездил в пригород по поводу вооруженного налета. Вернулся в Управление почти в полночь. И тут позвонил некий Вонблон, семейный врач Гринов. Мы с ребятами из отдела сразу туда. Обнаружили двух женщин, как вам известно. Одна мертвая, другая раненая. В обеих стреляли. Вызвал доктора Доремуса[14] и осмотрел место преступления. Мистер Федерджилл мне помог. Только все зря. Парень, похоже, проник в дом через парадную дверь. На снегу перед входом две пары следов, к дому и от него. И еще – доктора Вонблона. Но отпечатки слабые – снег чересчур крупный, хлопьями. Валил вчера до одиннадцати вечера. Следы, ясное дело, грабителя – после снегопада никто, кроме доктора, не приходил.

– Взломщик-непрофессионал с ключом от парадной двери особняка Гринов, – прожурчал Вэнс. – Потрясающе!

– Я не говорю, что у него был ключ, сэр, – возмутился Хис. – Я рассказываю, что мы нашли, только и всего. Может, дверь забыли запереть. Или кто-то ему открыл.

– Продолжайте, сержант. – Маркхэм укоризненно погля-

---

[14] Доктор Эмануэл Доремус – главный судебно-медицинский эксперт. – *Примеч. авт.*

дел на Вэнса.

– Так вот, когда доктор осмотрел тело старшей и рану младшей, я опросил всю семью и прислугу: дворецкого, обеих горничных и повариху. Первый выстрел сделан около половины двенадцатого, и его слышали только Честер Грин и дворецкий. А вот второй всполошил старую миссис Грин в соседней комнате. Остальные проспали всю заваруху. Но этот Честер к моему приходу поднял дом на ноги. Я с ними говорил, да без толку. Так что через часок-другой я оставил двух полицейских караулить дом – внутри и снаружи – и распрощался. Потом запустил, как полагается, нашу сыскную машину. Утром капитан Дюбуа обшарил дом в поисках пальчиков. А Доремус забрал тело для вскрытия и обещает к вечеру подготовить отчет. Но тут нам ничего не светит. В нее стреляли с близкого расстояния, почти в упор. Зато у другой, молодой, повсюду следы пороха и ночная рубашка прожжена. Пальнули сзади. Такие вот дела.

– Младшую опросили?

– Пока нет. Вчера она была без сознания, а утром еще слаба. Врач сказал, что ближе к вечеру с ней, наверно, уже можно будет поговорить. Глядишь, что и расскажет. Если, конечно, видела стрелявшего.

– Кстати, о стрелявшем, сержант. – Вэнс, который безучастно слушал это повествование, вдруг подобрался в кресле. – У кого-нибудь из Гринов есть оружие?

Хис пристально посмотрел на него.

– У Честера хранился в ящике письменного стола в спальне револьвер тридцать второго калибра.

– Как увлекательно. Ну и? Вы его видели?

– Просил показать, но он не смог найти. Вроде как не доставал много лет. Говорит, где-нибудь валяется. Обещал сегодня сыскать.

– Не возлагайте на это больших надежд.

Вэнс задумчиво посмотрел на Маркхэма.

– Я начинаю понимать причину душевных треволнений Честера. Боюсь, он все-таки грубо материалистичен… Печально, печально.

– Думаете, он обнаружил пропажу и запаниковал?

– Вероятно… Что-то в этом роде. Хотя трудно сказать. Все чертовски запутанно. – Он неторопливо повернулся к сержанту: – Скажите-ка, из какого оружия стрелял ваш грабитель?

Хис издал хриплый натужный смешок.

– В десятку, мистер Вэнс! Оба патрона тридцать второго калибра, выпущены именно из револьвера, а не из пистолета. Но не хотите же вы сказать…

– Отнюдь. Просто я, как Гёте, ищу озарения, если, конечно, уместно переводить *Licht*[15] как…

Маркхэм прервал это пространное отступление.

– Сержант, я после обеда еду к Гринам. Присоединитесь?

---

[15] Свет (*нем.*). Имеются в виду последние, согласно легенде, слова Иоганна Вольфганга Гёте: «Mehr Licht!» Букв. «Больше света!».

– Само собой, сэр. Я и сам собирался.

– Отлично. Подходите сюда к двум. – Маркхэм вытащил коробку сигар. – Угощайтесь.

Хис выбрал парочку и бережно убрал их в нагрудный карман. Уже в дверях он добродушно ухмыльнулся.

– А вы, мистер Вэнс? Будете, как говорится, нас направлять?

– Всенепременно!

Глава 3. Особняк Гринов (Вторник, 9 ноября, 14.30)

Особняк Гринов – именно так его называли жители Нью-Йорка – был реликвией прошлого. Три поколения семейства выросли в этом доме на Восточной Пятьдесят третьей улице. Два его эркера нависали прямо над мутными водами Ист-Ривер, а прилегающая территория растянулась на целый квартал и имела форму квадрата. С годами коммерция изменила район до неузнаваемости, но на приюте Гринов это никак не отразилось. Он стоял посреди деловой суеты, точно оазис высоких идеалов и умиротворенности. Старый Тобиас Грин указал в завещании, что особняк, в память о нем и его предках, не подлежит перестройке в течение четверти века. Незадолго до смерти он обнес участок высокой каменной стеной с двумя воротами: центральными, из двутаврового железа, на Пятьдесят третьей улице, и другими, для обслуживающего персонала, – на Пятьдесят второй.

Особняк из серого известняка высотой в два с половиной этажа венчали остроконечные шпили и группы печных труб. Знатоки, кривя губы, определяли его как *château flamboyant*[16], но никакие уничижительные термины не мог-

---

[16] Букв. «пламенеющий за́мок» (*фр.*). Имеется в виду так называемый пламенеющий стиль поздней готической архитектуры.

ли отнять у этого образца феодальной классики его спокойного достоинства. В архитектуре дома преобладала поздняя готика со значительным вкраплением барокко, а башенки и выступающие карнизы недвусмысленно намекали на Византию. Такая эклектика, однако, не лишала дом гармонии, и он вряд ли заинтересовал бы вольных каменщиков Средневековья. Родовое гнездо Гринов не производило впечатления музейного экспоната, но поистине олицетворяло самою́ суть прошедшей эпохи.

Во дворе перед домом высились клены и подстриженные туи вперемешку с гортензией и сиренью. С востока опускали к воде свои ветви плакучие ивы. Снаружи кирпичной стены «в ёлочку» тянулись высокие заросли боярышника, а изнутри ее скрывали решетки для вьющихся растений. Вдоль западной стороны дома был сделан асфальтированный подъезд к гаражу на две машины, дело рук молодого поколения. Но и эта современная деталь отчасти скрадывалась благодаря живой изгороди из самшита.

Когда хмурым ноябрьским днем мы вошли в усадьбу, она встретила нас мрачно и зловеще. Деревья и кустарники стояли голыми. Зелень туи присыпал снег. Лишенные растительности черные скелеты шпалер безжизненно прислонились к стене. Повсюду, кроме наспех подметенной парадной дорожки, высились сугробы. Серая каменная кладка особняка почти сливалась с тяжелым, затянутым свинцовыми облаками небом. И когда мы поднялись по невысоким ступеням к

сводчатой парадной двери под остроконечным фронтоном, меня охватил суеверный страх.

Дворецкий Спроут, маленький седой старичок, был, очевидно, заранее предупрежден. С похоронным выражением на морщинистом козьем лице он молча провел нас в большую мрачную гостиную, окна которой, в обрамлении тяжелых портьер, выходили на реку. Несколько мгновений спустя вошел Честер Грин и чрезвычайно церемонно приветствовал окружного прокурора. Вэнсу, сержанту и мне достался покровительственный кивок, один на всех.

– До чего же хорошо, что вы пришли, Маркхэм, – возбужденно начал он, усаживаясь на край кресла и доставая портсигар. – Сразу к опросу, так? С кого начнем?

– Это подождет. Сначала я бы хотел получить некоторое представление о прислуге. Что вы о них знаете?

Грин беспокойно поерзал и почему-то не смог с первого раза зажечь сигарету.

– Их всего четверо. Дом большой, но мы справляемся. Джулия всегда была за экономку, Ада помогает маме… Ну, во-первых, Спроут. Поступил к нам тридцать лет назад. Дворецкий, мажордом и сенешаль в одном лице. Типичный семейный вассал из английских романов: преданный, верный, тихий. При этом проныра, деспот и душераздирающий зануда. Две горничные: одна отвечает за комнаты, другая – за все остальное. Старшая, Хемминг, служит у нас десять лет. Попрежнему ходит в корсетах и безобразной обуви. Убийствен-

но религиозна. Подозреваю, что в глубине души баптистка. Вторая, Бартон, – молодая и взбалмошная. Знает несколько слов по-французски, мнит себя неотразимой и ждет, что вся мужская половина семьи будет украдкой целовать ее по углам. Служит украшением дома и увиливает от тяжелой работы около двух лет. И, наконец, кухарка. Чопорная немка, вылитая хаусфрау, с огромным бюстом и обувью сорокового размера. Все свободное время пишет письма племянникам и племянницам куда-то в верховье Рейна. Хвалится, что даже самый брезгливый человек станет есть с ее кухонного пола – такой он чистый. Ну не знаю – не пробовал. Старик нанял ее за год до смерти и распорядился, чтобы место оставалось за ней, сколько она пожелает. Есть еще всякие подсобные рабочие. Плюс, конечно, садовник. Летом без дела слоняется по газонам, а на зимнюю спячку залегает в какой-нибудь нелегальный кабак в Гарлеме.

– А шофер?

– Лишние хлопоты… Джулия ненавидела машины. И Рекс их боится. Дитя наше слабонервное. У меня гоночное авто. Сибелла водит, как Барни Олдфильд[17]. Ада тоже ездит сама, когда Сибелла дает ей машину и маме ничего не нужно… Вот и все. Аминь.

Во время этой болтовни Маркхэм делал себе пометки, попыхивая сигарой, и теперь наконец ее затушил.

– Я бы хотел осмотреть дом, если не возражаете.

---

[17] Барни Олдфильд (1878–1946) – знаменитый американский гонщик.

Грин с готовностью провел нас обратно в отделанную дубовыми панелями стрельчатую переднюю первого этажа. У противоположных стен в ней помещались два больших одетых резьбой фламандских стола школы Гюга Самбена и несколько английских тронных стульев начала восемнадцатого века. На паркетном полу раскинулся великолепный дагестанский ковер тех же приглушенных тонов, что и тяжелые портьеры в дверных проемах.

– Мы, как вы понимаете, только что были в гостиной, – высокопарно провозгласил Грин. – За ней… – он указал в сторону широкой мраморной лестницы, – библиотека и по совместительству рабочий кабинет главы семейства. *Sanctum sanctorum*[18], как он говорил. Не заходим туда уже двенадцать лет. Мама заперла кабинет, как только старик умер. Чтит память, так сказать. Много раз предлагал переоборудовать его в бильярдную, но куда там. Если мама вбила что-то себе в голову, ее не сдвинешь с места. Будет настроение – попробуйте. Рекомендую как отличное упражнение по поднятию тяжестей.

Честер пересек переднюю и отдернул занавеси в дверном проеме напротив.

– Здесь зал для приемов, мы в нем почти не бываем. Душный, бестолковый. И камин ни к черту не тянет. Только растопишь – сразу чисти от сажи вот это. – Он махнул портсигаром в сторону двух прекрасных гобеленов. – Там сзади за

---

[18] Святая святых (*лат.*).

раздвижной дверью – столовая, а за ней – буфетная и кухня, где можно есть с пола. Желаете осмотреть кулинарный департамент?

– Пожалуй, не стоит, – ответил Маркхэм. – А насчет пола верю вам на слово… Поднимемся наверх?

Мы прошли по парадной лестнице – мимо мраморной скульптуры, кажется, руки Фальгьера[19] – на второй этаж. Сквозь три посаженных вплотную окна коридора виднелись голые деревья перед домом.

Незатейливое расположение верхних комнат просторного дома вполне соответствовало традиционной квадратной планировке. Для ясности прилагаю к данному описанию примерный план, ибо вышеуказанное обстоятельство позволило убийце привести в исполнение свой чудовищный, бесчеловечный замысел.

Из коридора второго этажа можно было попасть в комнаты всех членов семьи – по три с каждой стороны. Впереди, слева от нас, располагалась спальня младшего брата, Рекса Грина. Соседнюю занимала Ада, а следом шли покои миссис Грин. Их комнаты сообщались через довольно внушительную гардеробную. На рисунке видно, что комната миссис Грин несколько выступала за пределы квадрата дома с его западной стороны, и часть этого выступа в форме перевернутой буквы Г занимал балкончик с каменной балюстрадой, с которого вниз на лужайку, вплотную к стене, вела лестни-

---

[19] Александр Фальгьер (1831–1900) – французский художник и скульптор.

ца. Из комнат Ады и миссис Грин на этот балкон выходили стеклянные двери.

На противоположной стороне коридора помещались спальни Джулии (в передней части дома), Честера (посередине) и Сибеллы. Все три комнаты были изолированными. Добавлю, что двери Сибеллы и миссис Грин находились сразу за парадной лестницей, Честера и Ады – прямо напротив ступенек, а Джулии и Рекса – чуть поодаль. Между комнатами Ады и миссис Грин была дверь в небольшой чулан для белья, а в глубине коридора – черная лестница.

Старший Грин быстро показал нам все это и распахнул дверь в комнату Джулии.

– Начнете же, наверное, отсюда? Все вверх дном – ваши велели ничего не трогать. Хотя кому нужны эти тряпки?

Просторная комната была обставлена шалфейно-зеленой атласной мебелью времен Марии-Антуанетты. Напротив входа располагалась на возвышении кровать с балдахином. На вышитых простынях расплылись темные пятна – немое свидетельство трагедии, разыгравшейся накануне.

Оглядев обстановку, Вэнс перевел внимание на старинную хрустальную люстру.

– Когда вы вчера нашли сестру, горел именно этот свет? – осведомился он как бы между прочим.

Грин кивнул.

– И где же выключатель, позвольте спросить?

– Там, за шкафом.

– Сразу и не заметишь, верно? – Вэнс неторопливо направился к двери и заглянул за великолепный армуар. – Ай да грабитель!

Он приблизился к Маркхэму и сказал ему что-то вполголоса. Тот после секундного раздумья кивнул.

– Грин, не могли бы вы пойти к себе, раздеться и лечь? Когда я дам знак, вставайте и делайте все как вчера. Вплоть до мелочей. Я хочу засечь время.

От неожиданности Честер застыл на месте и с досадой посмотрел на окружного прокурора.

– Это еще зачем? – начал было он, но тут же осекся, пожал плечами и важно вышел из комнаты.

Вэнс достал часы, а Маркхэм, выждав немного, постучал по стене. Время тянулось бесконечно долго. Наконец дверь отворилась, и заглянул Грин. Он медленно обвел глазами комнату, открыл дверь пошире, неуверенно вошел и направился к кровати.

– Три минуты двадцать секунд, – объявил Вэнс. – Настораживает, и весьма… Чем занимался злоумышленник между выстрелами? Что скажете, сержант?

– Почем я знаю? Ну-у, шарил в темноте, искал ступеньки…

– За это время он должен был бы уже десять раз с них скатиться.

Маркхэм прервал дискуссию, предложив осмотреть лестницу прислуги, ту самую, по которой после первого выстре-

ла спустился дворецкий.

– Другие комнаты пока подождут, хотя спальню мисс Ады нужно осмотреть, как только разрешит доктор. К слову, Грин, когда вы с ним увидитесь?

– Обещал быть в три. Значит, придет. Деловой, спасу нет. Сегодня ни свет ни заря прислал маме с Адой сиделку.

– Прошу прощения, – вклинился Вэнс, – мисс Джулия имела привычку запирать на ночь дверь?

Грин перестал моргать и чуть приоткрыл рот.

– Чтоб мне провалиться! Запиралась! Всегда!

Вэнс рассеянно кивнул, и мы вышли из комнаты. На черную лестницу вела тонкая, обитая сукном дверь. Маркхэм заглянул внутрь.

– Слышимость здесь хорошая.

– Верно, – согласился Грин. – И комната Спроута наверху совсем рядом. А у старикана к тому же тонкий слух… Временами даже слишком, черт его дери.

Мы все еще стояли у лестницы, как вдруг из комнаты справа донесся высокий ворчливый голос:

– Честер, ты? Почему мне мешают? Вчерашних переживаний недостаточно?..

Грин сунул голову в дверь и раздраженно ответил:

– Не волнуйтесь так, мама. Это полиция. Немного пошумели.

– Полиция? – Голос дышал презрением. – Явились! Вчера всю ночь спать не давали! Шли бы разыскивать преступника!

А мою дверь нечего осаждать… Так ты говоришь, полиция. – В голосе появились мстительные нотки. – Давай их сюда, я с ними поговорю. Подумать только!

Грин беспомощно повернулся к Маркхэму. Окружной прокурор кивнул, и мы вошли в комнату больной – просторное помещение с тремя окнами. Убранство отличалось беспорядочной пышностью. Мне бросились в глаза тибетский ковер, инкрустированный шкаф в стиле буль, позолоченный Будда огромных размеров, несколько массивных китайских стульев из тика, выцветший персидский ковер, два напольных светильника кованого железа и красный с золотом лакированный комод. Я мельком взглянул на Вэнса. Его лицо выражало недоуменное любопытство.

В необъятных размеров кровати без спинки и ножек, на разъезжающейся горе разноцветных шелковых подушек полулежала хозяйка дома. Ей было не меньше шестидесяти пяти или семидесяти, но черные волосы едва тронула седина. Несмотря на желтую и морщинистую, словно старинный пергамент, кожу, вытянутое лицо с массивной челюстью по-прежнему дышало силой. Дама чем-то напомнила мне Джордж Элиот. На фоне этой необычной пестрой комнаты, с вышитой восточной шалью на плечах, миссис Грин смотрелась крайне экзотично. Рядом невозмутимо сидела румяная сиделка в накрахмаленном белом халате – разительный контраст с больной на кровати.

Честер представил только Маркхэма, полагая, что мы

втроем его мать вряд ли заинтересуем. Сначала она никак не отреагировала, затем оценивающе оглядела окружного прокурора и, досадливо кивнув, словно смиряясь с неизбежным, протянула ему длинную худую руку.

– Видно, никуда от вас не денешься, – устало сказала она, напуская на себя вид бесконечного терпения. – Только хотела немного отдохнуть. После вчерашней кутерьмы спина так и стреляет. Но кому какое дело до парализованной старухи? Со мной не считаются, мистер Маркхэм. И правильно. Какой с нас, инвалидов, прок?

Маркхэм что-то вежливо забормотал в знак протеста. Впрочем, он мог бы этого и не делать. Не обращая на него ни малейшего внимания и, по-видимому, превозмогая боль, миссис Грин уже повернулась к сиделке.

– Поправьте же подушки, мисс Крейвен, – нетерпеливо приказала она и жалобно прибавила: – Даже вы совсем обо мне не думаете.

Та повиновалась без единого звука.

– А теперь ступайте к Аде, пока не придет доктор Вонблон… Как там моя девочка? – Ее голос неожиданно зазвучал фальшивой озабоченностью.

– Ей лучше, миссис Грин, – произнесла сиделка безо всякого выражения и бесшумно скрылась в гардеробной.

Дама на постели перевела жалобный взгляд на окружного прокурора.

– Ужасно быть калекой. Ни пройти, ни встать без помощи.

Ноги мои не служат уже десять лет, и никакой надежды. Понимаете? Десять лет в этой постели и кресле, – она указала на инвалидное кресло в нише, – и я даже не могу сама в него перебраться! Но я терплю. Утешаюсь мыслью, что осталось недолго. Вот если бы только дети были чуточку внимательней… Нет, я многого хочу. Молодой и здоровый больному не товарищ – так устроен свет. Моя доля – быть для всех обузой. Я смирилась.

Она вздохнула и плотнее закуталась в шаль.

– Хотите что-нибудь спросить? Не знаю, правда, чем могу помочь, но я к вашим услугам. Ночью так и не сомкнула глаз. Вся эта суматоха… Ужасно болит спина.

Маркхэм с сочувствием глядел на старую даму. Воистину, зрелище было печальным. Когда-то она обладала острым и благородным умом, однако долгая неподвижность и одиночество взяли свое и превратили ее в страдалицу, изнывающую от жалости к себе. Я видел, что Маркхэм предпочел бы сказать несколько слов в утешение и немедленно уйти, но долг побуждал его остаться.

– Мадам, я в отчаянии, что вынужден вас беспокоить, – сказал он сочувственно. – Вы окажете следствию неоценимую помощь, позволив мне задать один-два вопроса.

– Беспокойте, что уж. Я давно привыкла. Спрашивайте что хотите.

Маркхэм поклонился с галантностью старой школы.

– Благодарю, мадам. – Он сделал секундную паузу. – Ми-

стер Грин сказал, что вы не слышали шума в комнате старшей дочери и проснулись только от выстрела у Ады.

– Да, так. – Она медленно кивнула. – Комната Джулии довольно далеко, на той стороне. А Ада всегда оставляет дверь приоткрытой – на случай, если мне ночью что-то понадобится. Естественно, этот выстрел меня разбудил. Дайте подумать… Мне долго не спалось. Прошлой ночью я очень мучилась спиной. И днем тоже. Но детям, разумеется, – ни слова. Что им страдания старой парализованной матери… Когда я наконец задремала, хлопнул выстрел – и вот я снова лежу без сна, беспомощная, не в силах пошевелиться, и жду, что сейчас настанет мой черед. И никто не пришел справиться, как я, никто не вспомнил об одинокой беззащитной женщине. Впрочем, меня вообще давно забыли.

– Миссис Грин, я уверен, что дело не в равнодушии, – серьезно заверил Маркхэм. – Трагедия заставила на какое-то время думать только о жертвах… Скажите мне вот что: когда вы проснулись от выстрела, вы слышали что-нибудь еще?

– Да, как бедняжка упала… По крайней мере, мне так показалось.

– И все? Шаги, например?

– Шаги? – Она силилась вспомнить. – Нет, никаких шагов.

– Мадам, а вы не слышали, чтобы в коридоре хлопнула дверь? – Этот вопрос задал Вэнс.

Женщина резко повернула голову и окатила его ледяным взглядом.

– Нет, ничего такого я не слышала.

– Довольно необычно, вы не находите? Должен же был преступник покинуть помещение.

– Надо полагать, да. Если он, конечно, не сидит до сих пор в комнате Ады, – ответила она с издевкой и снова перенесла внимание на окружного прокурора: – Что-нибудь еще?

Маркхэм уже понял, что никаких полезных сведений тут не получишь.

– Пожалуй, нет. Но вы, разумеется, слышали, как в комнату мисс Ады вошли дворецкий и ваш сын?

– А как же. Уж они шумели… Что им до моих чувств. Этот зануда Спроут звал Честера, как какая-нибудь истеричка. А по телефону орал так, будто доктор Вонблон глухой. Потом Честеру бог знает зачем понадобилось будить весь дом. Нет, вчера мне не было ни минуты покоя! Полиция топотала, как табун лошадей. Просто возмутительно. А меня, беспомощную старуху, бросили лежать здесь с невыносимой болью в спине.

Выразив сочувствие несколькими расхожими фразами, Маркхэм поблагодарил ее за помощь и ретировался. Мы уже спускались по лестнице, а сзади все еще доносился сердитый голос:

– Сестра! Сестра! Вы что, оглохли? Поправьте подушки. Кто вам позволил так себя со мной вести?..

К счастью, на первом этаже ее слышно не было.

Глава 4. Пропавший револьвер (Вторник, 9 ноября, 15.00)

– Мама в своем репертуаре, – небрежно извинился Грин, когда мы снова оказались в гостиной. – Все брюзжит по поводу заботливых отпрысков… Итак, что теперь?

Маркхэм был погружен в свои мысли, и за него ответил Вэнс:

– Зовите слуг. Посмотрим, что они нам поведают. Для начала Спроута.

Маркхэм вышел из оцепенения и кивнул. Грин потянул за шелковый шнур звонка у двери. Окружной прокурор в течение всего опроса держался отстраненно, если не сказать безразлично, и парадом командовал Вэнс.

– Садитесь, Спроут, и предельно кратко расскажите, что вчера произошло.

Спроут медленно, опустив глаза долу, приблизился к столику посередине, но остался стоять.

– Я был у себя и читал Марциала, сэр, – начал он, покорно поднимая голову. – И мне послышался глухой выстрел. Автомобили на улице иногда громко хлопают глушителем, и я немного сомневался, но в конце концов сказал себе, что лучше проверить. Я был, вы понимаете, сэр, в неглиже, поэтому предварительно накинул халат. Я не знал, где именно

раздался хлопок, но, когда был уже на середине лестницы, грянул второй выстрел, вроде бы в комнате мисс Ады. Я направился прямо туда, подергал дверь. Было открыто. Я заглянул и увидел мисс Аду на полу… Очень тяжелое зрелище, сэр. Я позвал мистера Честера, и мы перенесли бедную юную леди на кровать. Потом я вызвал по телефону доктора Вонблона.

– И вы не побоялись, Спроут? Среди ночи, в полной темноте… Похвальное мужество.

– Спасибо, сэр, – с ангельской кротостью ответил тот. – Я стараюсь. Это мой долг. В семействе Грин я состою в услужении почти…

– Мы знаем, Спроут, – прервал его Вэнс. – Я правильно понял, что, когда вы открыли дверь, в комнате мисс Ады горел свет?

– Да, сэр.

– И больше вы ничего не видели и не слышали? Скажем, что где-то хлопнула дверь?

– Нет, сэр.

– Тем не менее стрелявший должен был находиться в коридоре одновременно с вами.

– Полагаю, что так, сэр.

– Он вполне мог подстрелить и вас.

– Совершенно верно, сэр. – Спроута, по-видимому, это ничуть не волновало. – Но – простите меня за эти слова, сэр, – что будет, то будет. Я старый человек…

– Ну-ну! У вас впереди еще долгие годы. Хотя, разумеется, я не могу знать, сколько именно.

– Да, сэр. – Спроут безучастно смотрел куда-то вдаль. – Никому не дано проникнуть в тайны жизни и смерти.

– А вы, я вижу, философ, – сухо заметил Вэнс. – Вы сразу дозвонились доктору Вонблону?

– Нет, сэр, его не было. Дежурная сестра сказала, что он с минуты на минуту вернется, и обещала отправить его к нам. Он приехал быстро – не прошло и получаса.

Вэнс кивнул.

– Это все, спасибо. А теперь, будьте добры, пришлите мне *die gnadige Frau Köchin*[20].

– Будет исполнено, сэр. – Старый дворецкий удалился.

Вэнс задумчиво проводил его взглядом.

– Каков витий, – пробормотал он.

Грин фыркнул.

– Поживите с ним в одном доме! Он ответит «да, сэр», заговори вы с ним хоть на валлонском или волапюке[21]. Круглые сутки шныряет по дому и вынюхивает. То-то радость!

Повариха, дородная флегматичная немка лет сорока пяти по имени Гертруда Маннхайм, присела на край стула у двери. Вэнс мгновение всматривался в нее, а затем спросил:

– Вы родились в Америке, фрау Маннхайм?

---

[20] Госпожу кухарку (*нем.*).

[21] Искусственный язык, созданный в 1879 году Иоганном Мартином Шлейером.

– Я из Бадена, – ответила она ровным гортанным голосом. – Приехала сюда, когда мне было двенадцать.

– Но вы ведь не всю жизнь работали кухаркой? – Вэнс говорил несколько мягче, чем с дворецким.

Женщина ответила не сразу.

– Да, сэр, – наконец сказала она. – Только после смерти мужа.

– Как вы попали к Гринам?

Она снова замялась.

– Мой муж и мистер Тобиас Грин были знакомы. Я овдовела, осталась без средств. Тогда и вспомнила про мистера Грина и подумала…

– Понимаю. – Вэнс глядел в пространство. – Вчера вечером вы ничего не слышали?

– Нет, сэр. Пока мистер Честер не крикнул нам наверх одеваться и спускаться.

Вэнс встал и повернулся к окну, выходившему на Ист-Ривер.

– Спасибо, фрау Маннхайм. Будьте так добры, позовите старшую горничную… Как ее… Хемминг?

Ни слова не говоря, кухарка удалилась, и ее место заняла высокая, не очень опрятная женщина с безжалостно зачесанными назад волосами. Ее резкие черты дышали благонравием. На ней было цельное черное платье и добротные туфли без каблуков. Строгое выражение лица еще больше подчеркивалось толстыми линзами очков.

Вэнс расположился у камина.

– Насколько я понял, Хемминг, вы вчера не слышали выстрелов и узнали о трагедии только от мистера Грина.

Женщина отрывисто и значительно кивнула.

– Бог меня пощадил, – произнесла она скрипучим голосом, – хотя этой трагедии, как вы сказали, следовало ожидать. Если желаете знать мое мнение, это божий промысел.

– В общем-то не желаем, но благодарю, что поделились. Так без Господа здесь не обошлось?

– Да. Грины – безбожники и нечестивцы. – Ее голос дышал религиозным пылом, а вызывающий взгляд заставил Честера неловко засмеяться. – «И восстану на них, говорит Господь Саваоф, и истреблю… имя и весь остаток, и сына, и дочь, и внука» – только внука у них нет – «и вымету их метлою истребительною, говорит Господь Саваоф».

Вэнс задумчиво ее разглядывал.

– Вам нужно внимательнее читать Исаию… И кого же Господь выбрал в качестве метлы? Есть какие-либо небесные сведения на этот счет?

Горничная поджала губы.

– Кто знает?

– Действительно, кто?.. Полагаю, вчерашние события на бренной земле вас не удивили?

– Неисповедимы пути господни.

– Можете вернуться к изучению Библии, – вздохнул

Вэнс. – Только *en route*[22] передайте Бартон, что мы жаждем ее видеть.

Женщина чопорно встала и выплыла из гостиной, держась так прямо, словно линейку проглотила.

Вошла Бартон, явно напуганная. Но даже страх не мог совершенно изгнать ее врожденное кокетство. Она встревоженно и несколько застенчиво смотрела на нас, одной рукой разглаживая за ухом прядь каштановых волос. Вэнс поправил монокль.

– Голубой вам пойдет значительно больше, Бартон, – с самым серьезным видом посоветовал он, – с вашей смуглой кожей это гораздо эффектнее, чем вишневый.

Тревога девушки улетучилась, и она удивленно и слегка игриво посмотрела на Вэнса.

– А позвал я вас сюда вот зачем… Скажите, мистер Грин вас целовал?

– Мистер Грин… Который? – пролепетала она в полном замешательстве.

При этом вопросе Честер резко выпрямился на стуле и в бешенстве хотел было что-то возразить, однако слова застряли у него в горле, и он только в безмолвном негодовании повернулся к окружному прокурору.

У Вэнса дрогнул уголок рта.

– Не важно, Бартон, – тут же добавил он.

– А вы разве не спросите меня… про вчерашнее? – На ее

---

[22] По пути (*фр.*).

лице явственно читалось разочарование.

– Ах, простите! Вы знаете, что произошло?

– Нет, конечно. Я же спала…

– Ну да, ну да. Поэтому больше беспокоить вас вопросами я не стану. – И он добродушно ее отпустил.

– Черт побери, Маркхэм! – возопил Грин, когда Бартон удалилась. – Шуточки этого… этого господина… ни в какие ворота!..

Маркхэм и сам не одобрял фривольности Вэнса.

– Не понимаю, что нам дадут ваши несерьезные вопросы, – произнес он, усилием воли подавляя раздражение.

– Потому что вы до сих пор верите в ограбление. Если прав мистер Грин, то нам важно ознакомиться со здешней обстановкой. И не менее важно завоевать доверие слуг. Отсюда и мои якобы не относящиеся к делу замечания. Я хочу составить мнение об актерах этой сцены, и, по-моему, получается на удивление недурно. Уже наметилось несколько прелюбопытнейших версий.

Не успел Маркхэм ответить, как в передней показался Спроут. Он открыл парадную дверь и почтительно кого-то приветствовал. Грин немедленно последовал за ним.

– Как жизнь, док? Я так и думал, что скоро подойдете. Здесь окружной прокурор со свитой. Хотят поговорить с Адой. Я сказал им, что, может быть, во второй половине дня, если вы разрешите.

– Сначала нужно ее осмотреть, – ответил врач и торопли-

во зашагал вверх по лестнице.

– Это Вонблон, – объявил Грин, вернувшись в гостиную. – Сейчас узнаем, как там Ада.

Помню, его равнодушный тон меня немало удивил.

– Как давно вы знакомы? – осведомился Вэнс.

– Как давно? Да с пеленок. Вместе ходили в бикмановскую школу. Его покойник-отец, Веран Вонблон, помог появиться на свет всем Гринам. Сто лет был нашим врачом, духовником и все такое. Потом эстафету принял сын. И ничего, Артур тоже свое дело знает. Фармакопею проштудировал основательно. Учился у отца, а потом еще в Германии.

Вэнс рассеянно кивнул.

– Пока мы ждем доктора, может быть, поболтаем с мисс Сибеллой и мистером Рексом? Начнем, скажем, с вашего брата.

Грин вопросительно взглянул на Маркхэма и позвал Спроута.

Рекс Грин не заставил себя ждать.

– Ну, и что еще вам нужно? – начал он, напряженно всматриваясь в наши лица. Тембр его капризного, почти канючащего голоса чем-то напоминал раздраженно-жалобные интонации миссис Грин.

– Всего несколько вопросов по поводу вчерашних событий, – успокоительно отозвался Вэнс. – Не исключено, что ваши ответы нам помогут.

– Помогут? Каким образом? – Он мрачно рухнул в кресло

и с недоброй усмешкой посмотрел на брата. – Из всех нас не спал, по-видимому, один Честер.

Рекс Грин был невысоким бледным юношей с узкими сутулыми плечами и непропорционально крупной головой на тощей шее. Копна прямых волос все время падала с крутого лба ему на глаза, и он привычным движением отбрасывал ее назад. Беспокойные глазки в роговых очках не останавливались ни на мгновение, а тонкие губы беспрестанно подергивались, словно при тригеминальной невралгии. И без того маленький острый подбородок казался еще меньше из-за привычки Рекса наклонять вперед голову. Его внешность нельзя было назвать приятной, и все-таки что-то в ней – возможно, гипертрофированная серьезность – намекало на выдающиеся способности. Мне довелось однажды видеть юного победителя шахматного турнира с такой же формой черепа и чертами лица.

Вэнс, казалось, ушел в себя. Однако я знал, что он внимательно изучает внешность юноши. Наконец он отложил сигарету и лениво перевел взгляд на настольную лампу.

– Вы говорите, что проспали трагические события прошлой ночи. И это несмотря на то, что один из выстрелов прогремел в соседней комнате. Чем вы объясняете столь своеобразное обстоятельство?

Рекс подвинулся к краю кресла и помотал головой, избегая встречаться с нами взглядом.

– Я и не пытался его объяснять, – обиженно огрызнулся

он и поспешно прибавил: – В доме толстые стены, а рядом шумная улица… Или, может, я с головой забрался под одеяло.

Видно было, что его нервы на пределе, и он намерен обороняться.

– Это верно! Кто-кто, а ты бы от выстрела точно забрался с головой под одеяло, – заметил Честер, не скрывая презрения.

Рекс повернулся к нему и уже был готов возразить, но Вэнс вовремя подоспел со следующим вопросом:

– Вы в курсе всех обстоятельств дела, мистер Грин. Какова ваша версия преступления?

– Мне казалось, полиция сошлась на ограблении. – Глаза юноши внимательно остановились на сержанте. – Или я не прав?

– Правы, мы и сейчас так считаем, – решительно ответил Хис, до сих пор молчавший со скучающим видом. – Хотя ваш брат думает иначе.

– Значит, Честер думает… – Рекс одарил брата неприязненным взглядом. – А может, наш Честер знает наверняка.

Было совершенно ясно, на что он намекает. Но тут снова вмешался Вэнс:

– Ваш брат сообщил все, что ему известно. И в данный момент нас больше интересует, что знаете вы.

От резких слов Рекс сжался в кресле. Его губы задергались сильнее, а руки стали теребить плетеную застежку до-

машнего пиджака. И я впервые заметил, какие у него маленькие рахитичные кисти и скрюченные пальцы с утолщенными фалангами.

– Вы уверены, что не слышали выстрелов? – зловеще продолжал Вэнс.

– Я уже десять раз говорил вам! – выкрикнул молодой человек фальцетом, вцепляясь в подлокотники.

– Успокойся, – предостерег Честер, – а то снова будет приступ.

– Да катись ты! Сколько мне еще твердить одно и то же?!

– Нам просто нужно перепроверить факты, – примиряюще пояснил Вэнс. – И наверное, вы бы не хотели, чтобы из-за нашей недобросовестности смерть вашей сестры осталась неотмщенной.

Немного приходя в себя, Рекс глубоко вдохнул и облизал пересохшие губы.

– Знай я хоть что-нибудь, я бы все рассказал. Но в этом доме я всегда во всем виноват. То есть я и Ада. Что касается Джулии… Мне гораздо важнее, чтобы наказали паршивого пса, стрелявшего в Аду. У нее и без того здесь жизнь не сахар. Мать ей шагу за порог не дает ступить, заставляет ходить за собой, как прислугу.

Вэнс понимающе кивнул, поднялся и сочувственно положил руку ему на плечо. Я был ошарашен: несмотря на врожденный гуманизм, Вэнс стеснялся обнаруживать свои чувства и неизменно их подавлял.

– Не переживайте так из-за случившегося, мистер Грин. И будьте уверены: мы разыщем и накажем того, кто стрелял в мисс Аду… Пока это все. Простите за беспокойство.

Рекс встал почти с радостью.

– Да нет, все нормально.

Он украдкой бросил на брата победоносный взгляд и вышел.

– Чудаковатый он, Рекс, – заметил Честер после короткой паузы. – Все чахнет над книжками по математике и астрономии. Такая заумь. Хотел даже продырявить крышу и поставить на чердаке телескоп, да мама вовремя это пресекла. Здоровьем, бедолага, тоже не вышел. Говорю-говорю ему бывать на воздухе, но куда там! Я же для него слабоумный, потому что играю в гольф.

– О каких приступах идет речь? – поинтересовался Вэнс. – Ваш брат страдает эпилепсией?

– Нет-нет, не так все плохо, хотя во время истерик доходит до конвульсий. С полоборота раздражается и впадает в ярость. Вонблон говорит, гиперстеническая неврастения или как ее там… Заведется – становится бледным как полотно, трясется весь и может наговорить черт-те что. Но это так, ерунда. Физическая нагрузка ему нужна, вот что. Заслать бы его куда-нибудь на глухую ферму, подальше от инфернальных книг, компасов и рейсшин.

– Полагаю, ваша мать к нему более или менее благоволит.

Замечание Вэнса подтвердило мое собственное смутное

ощущение сходства характеров матери и сына.

– Более или менее. – Честер задумчиво кивнул. – Да, он любимчик. Насколько мама вообще способна любить кого-то, кроме себя. Она никогда не изводила его так, как нас, это факт.

Вэнс снова подошел к огромному окну и застыл, созерцая Ист-Ривер. Потом неожиданно повернулся. Его задумчивость как рукой сняло.

– К слову, мистер Грин, ваш револьвер нашелся?

Честер вздрогнул и бросил взгляд на сержанта, который теперь обратился в слух.

– Черт возьми, нет! – Честер полез в карман за портсигаром. – Ума не приложу. Всегда лежал у меня в столе, хоть я и не брал его несколько лет. Я уже объяснял… – Он махнул портсигаром в сторону Хиса, словно это был неодушевленный предмет. – Вот проклятье! Прямо-таки загадка. Взять его некому. Горничные в столе не убирают, скажите спасибо, если застелют кровать и смахнут пыль. Просто черт знает что такое.

– А вы хорошо искали? – Хис воинственно наклонил вперед голову.

Я никак не мог взять в толк, к чему такая напористость, если он сам верит в ограбление. Но таков был Хис: любые затруднения его сердили, а белое пятно в расследовании – это серьезное затруднение.

– Разумеется, искал, – надменно ответил Честер, не скры-

вая возмущения. – Перевернул все ящики и шкафы в доме. Как сквозь землю провалился… Наверное, выбросили по ошибке во время ежегодной генеральной уборки.

– Не исключено, – согласился Вэнс. – А что это был за револьвер?

– Старенький «смит-и-вессон» тридцать второго калибра. – Честер порылся в памяти. – Перламутровая рукоять, ствол с гравировкой. Я уж и забыл, как он выглядит. Ездил как-то летом в Адирондак[23], лет пятнадцать назад или больше, тогда и купил. Стрелял по мишени. Потом он мне надоел, и я сунул его в стол за кипу старых чеков.

– Он в рабочем состоянии?

– Насколько мне известно, да. В самом начале был туговат, но мне подточили спусковой крючок, так что теперь только тронь. Как раз то, что нужно для прицельной стрельбы.

– Вы не помните, он был заряжен?

– Возможно. Столько лет прошло…

– А запасные барабаны к нему?

– Вот это скажу точно: запасных барабанов не было.

Вэнс снова сел.

– Что ж, мистер Грин, если наткнетесь на револьвер, вы, разумеется, поставите в известность мистера Маркхэма и сержанта.

– Непременно. С превеликим удовольствием, – Честер

---

[23] Горный хребет на северо-востоке штата Нью-Йорк.

произнес это так, словно делал одолжение.

Вэнс посмотрел на часы.

– А теперь, поскольку доктор Вонблон еще не закончил, мы могли бы побеседовать с мисс Сибеллой.

Честер встал, явно радуясь, что тема револьвера исчерпана, и хотел уже дернуть за шнур у двери, однако передумал, и рука его замерла в воздухе.

– Позову сам, – объяснил он и поспешно вышел из комнаты.

Маркхэм с улыбкой повернулся к Вэнсу.

– Как я вижу, ваше пророчество по поводу оружия пока сбывается.

– Боюсь, не видать нам этого дорогого подпиленного револьвера. По крайней мере, пока не найдем убийцу. – Вэнс внезапно посерьезнел, от привычной веселости не осталось и следа. Но почти сразу он вновь насмешливо приподнял брови и шутливо посмотрел на сержанта. – Может статься, ваш коварный новичок прихватил его с собой? Не смог устоять перед резным стволом и перламутровой рукоятью?

– Вполне возможно, все было так, как сказал Грин, – предположил Маркхэм. – В любом случае вы, по-моему, уделяете этому вопросу слишком много внимания.

– Ваша правда, мистер Маркхэм, – проворчал Хис. – И вообще, к чему эта перепалка с членами семьи? Я всех их вчера допросил по горячим следам. Говорю вам, ничегошеньки они не знают. Ада Грин – единственная, с кем стоит погово-

рить. Вдруг даст нам какую наводку. Если в комнате горел свет, она могла рассмотреть грабителя.

Вэнс с грустью покачал головой.

– Сержант, этот мифический грабитель становится у вас прямо-таки больной темой.

Маркхэм задумчиво оглядел конец сигары.

– Нет, Вэнс, я склонен согласиться с сержантом. Боюсь, это у вас больное воображение. Я легкомысленно позволил втянуть себя в это дело и посему предпочел оставаться в тени, предоставив бразды правления вам. Ада Грин – наша единственная надежда.

– До чего же вы доверчивы и поспешны! – Вэнс вздохнул и беспокойно пошевелился в кресле. – А Честер, наш провидец, пошел за Сибеллой и пропал.

Тут на мраморной лестнице послышались шаги, и несколько секунд спустя в дверях, в сопровождении брата, появилась Сибелла Грин.

Глава 5. У кого есть мотив? (Вторник, 9 ноября, 15.30)

Сибелла вошла уверенной танцующей походкой с высоко поднятой головой и вызывающе оглядела собравшихся. Высокая, стройная, спортивного сложения. Не хорошенькая, но точеные черты притягивали глаз. В лице были одновременно живость и напряжение, а в манере держаться – заносчивость, если не сказать надменность. Темные коротко стриженные кудрявые волосы не знали укладки, и их буйство подчеркивало ее чрезмерно решительный вид. Широко посаженные карие глаза смотрели из-под густых почти совершенно прямых бровей. Правильный нос был, пожалуй, чуть велик, а большие тонкие губы сурово сжаты. Одета она была просто: темный костюм из жакета свободного покроя и вызывающе короткой, до колена, юбки, чулки из смеси шерсти и шелка цвета розовый меланж и похожие на мужские полуботинки без каблука.

Честер отрекомендовал окружного прокурора как старинного приятеля и предоставил ему знакомить сестру с остальными.

– Вы, мистер Маркхэм, конечно, в курсе, почему Чет вас так любит, – произнесла она удивительно глубоким тягучим голосом. – Вы один из немногих членов клуба «Мэрилебон»,

которых он способен обыграть в гольф.

Она села у столика в центре гостиной, закинула ногу на ногу, устраиваясь удобнее, и сказала повелительно:

– Ты не принес бы сигарету, Чет?

Вэнс мгновенно поднялся и протянул свой портсигар.

– Попробуйте «Режи», мисс Грин, – предложил он, являя лучшие салонные манеры. – Если скажете, что плохо, я немедленно сменю марку.

– Какой проворный, однако! – Сибелла взяла сигарету и позволила Вэнсу поднести спичку. Затем откинулась на спинку кресла и с интересом оглядела Маркхэма. – Здорово мы тут вчера повеселились? Не припомню такого ажиотажа в старом доме. И надо ж, как не повезло – проспала. – Она скроила недовольную гримасу. – Чет позвал меня, когда все уже кончилось. Вот всегда он так. Что за скверный характер!

В любом другом человеке подобное легкомыслие меня бы шокировало, но Сибелла не казалась бесчувственной. Скорее, за ее черствостью скрывалось упрямое, пусть и крайне своеобразное, мужество – держаться всем ветрам назло.

Маркхэму, однако, ее манера совсем не понравилась.

– Мистер Грин повел себя сообразно обстоятельствам. Жестокое убийство беззащитной женщины и нападение на молодую девушку вряд ли повод для веселья.

Сибелла посмотрела на него с укоризной.

– Мистер Маркхэм, вы говорите точь-в-точь как настоятельница ханжеского монастыря, в котором меня продержа-

ли два года. – Неожиданно она посерьезнела. – Какой прок делать кислую мину, когда уже ничем не поможешь? Да и вообще, Джулия ни разу не попыталась наладить свою жизнь. Только ныла и придиралась, и совсем не была доброй самаритянкой. Не по-сестрински так говорить, но по ней не будут сильно скучать. Уж мы с Четом точно как-нибудь это переживем.

– А чудовищное нападение на вашу младшую сестру? – Маркхэм с трудом подавлял возмущение.

Девушка на мгновение застыла, сузив глаза, но тотчас стерла это выражение со своего лица.

– Ну, Ада ведь поправится. – Как она ни старалась, ей не удалось смягчить интонацию. – Она со вкусом отдохнет, к ее услугам сиделка. Моя маленькая сестренка легко отделалась. Я что, должна из-за этого ведрами лить слезы?

Вэнс, который внимательно наблюдал за стычкой, вмешался в разговор:

– Маркхэм, дружище, я не понимаю, какое отношение к делу имеют чувства мисс Грин. Пусть они не вполне отвечают правилам для молодых девиц, но я уверен, что у нее есть на то веские причины. Давайте оставим нравоучения и вместо этого посмотрим, чем она может помочь следствию.

Девушка метнула в него удивленный и благодарный взгляд, а Маркхэм безразлично показал жестом, что согласен. Видно было, что он не возлагает на эту беседу никаких надежд.

Вэнс очаровательно улыбнулся.

– На самом деле мы вторглись к вам по моей вине. Видите ли, когда ваш брат усомнился в официальной версии ограбления, именно я уговорил Маркхэма вмешаться.

Она понимающе кивнула.

– Да, у Чета порой бывают поразительные прозрения. Одно из его немногих достоинств.

– Вы, я смотрю, тоже настроены скептически?

– Скептически? – Она испустила короткий смешок. – Да я просто в это не верю. Я, конечно, не знакома лично ни с одним грабителем. А жаль… Но как ни напрягаю ветреную головушку, не могу представить, чтобы вор обтяпывал свое славное дельце так, как наш с вами друг прошлой ночью.

– Положительно, вы повергаете меня в трепет, – заявил Вэнс. – Наши мнения полностью совпадают.

– Чет объяснил внятно, на чем основывает свои подозрения?

– К сожалению, нет. Что-то из области метафизики. Его посетило некое предчувствие. Он точно знал – но не мог объяснить, был уверен – но не имел доказательств. Все крайне неопределенно. Даже скажу – эзотерично.

– Никогда бы не заподозрила Чета в склонности к эзотерике, – поддразнила она брата. – Он такой убийственно приземленный, когда узнаешь его поближе.

– Прекрати, Сиб! – раздраженно буркнул Честер. – Сама утром впала в ярость, когда я сказал, что полиция ищет гра-

бителя.

Сибелла не ответила. Только слегка тряхнула головой и швырнула сигарету в камин.

– Кстати, мисс Грин, – невинно заметил Вэнс, – револьвер вашего брата таинственным образом исчез. Раньше он лежал в ящике письменного стола. Вы, случайно, нигде на него не натыкались?

При упоминании оружия Сибелла насторожилась: взгляд стал внимательным, а уголки губ слегка изогнулись в ироничной улыбке.

– Револьвер Чета исчез? – переспросила она отстраненно, словно мысли ее были далеко. – Нет. Не видела… На прошлой неделе он был еще в столе.

Честер сердито подался вперед.

– А что ты делала на прошлой неделе в моем столе?

– Не волнуйся, а то удар хватит. Само собой, я охотилась не за любовными посланиями. Не могу вообразить тебя влюбленным, Чет… – Эта идея ее позабавила. – Просто искала изумрудную булавку для галстука, которую ты у меня попросил и не вернул.

– Забыл в клубе, – мрачно объяснил он.

– Да что ты! Ну, в общем, я ее не нашла, но револьвер видела… Ты уверен, что он пропал?

– Не мели чепухи. Я перевернул весь дом… Включая твою комнату, – добавил он мстительно.

– Кто бы сомневался! Зачем вообще было признаваться,

что он у тебя есть? – Ее голос сочился презрением. – Зачем без нужды себя подставлять?

Честер нервно поерзал.

– Этот джентльмен, – он снова указал на Хиса, как на предмет мебели, – спросил, нет ли у меня револьвера, ну, я и сказал. Все равно бы он узнал – не от прислуги, так от кого-нибудь из моих драгоценных родственничков. Я подумал, что лучше ничего не скрывать.

Сибелла саркастически улыбнулась.

– Как вы могли заметить, мой старший брат – образец старомодных добродетелей, – рассеянно обратилась она к Вэнсу. Исчезновение револьвера явно поколебало ее самоуверенность.

– Мисс Грин, вы говорите, что версия ограбления вас не убеждает. – Вэнс курил, прикрыв глаза. – У вас есть иное объяснение?

Девушка окинула его оценивающим взглядом.

– Если я не верю в грабителей, которые стреляют в женщин, а потом улепетывают, забыв прихватить золотишко, это не значит, что у меня есть другая версия. Я почему-то всегда считала, что выслеживать преступников – дело полиции. А я не полицейский. Хотя и думала частенько, что отличное было бы занятие… Вы тоже не верите в ограбление, иначе не стали бы слушать Чета. Вы-то сами как думаете, кто тут вчера слетел с катушек?

Вэнс сделал протестующий жест:

– Дорогая моя! Будь у меня об этом хоть малейшее представление, я бы не докучал вам неуместными вопросами. Я погряз в трясине неведения и едва влачу ноги.

Сибелла беспечно рассмеялась и протянула руку.

– Еще одну «Режи», месье. Я чуть было не стала серьезной. А это вредно. Во-первых, ужасно скучно. И во-вторых, от этого появляются морщины. А я для них еще слишком молода.

– И всегда будете. Как Нинон де Ланкло[24], – подхватил Вэнс, поднося ей спичку. – Однако, не делаясь слишком серьезной, подумайте, у кого могла быть причина убить ваших сестер?

– Ну, что касается мотивов, мы все под подозрением. Идеальным семейством нас никак не назовешь. Мы, Грины, – весьма странная компания. Никакой такой любви, как положено в хороших семьях. Вечно цапаемся и того и гляди перегрызем друг другу глотку. В этом хозяйстве все кувырком. Странно, что давным-давно кого-нибудь не убили. А нам всем еще торчать здесь до тридцать второго года. Или лишимся наследства, и придется самим себя обеспечивать, на что ни один из нас, конечно, не способен. Спасибо папочке[25].

---

[24] Знаменитая французская куртизанка и хозяйка литературного салона, прославившаяся тем, что сохраняла необыкновенную привлекательность до глубокой старости.

[25] Имеется в виду завещание Тобиаса Грина, согласно которому особняк не подлежал перестройкам в течение четверти века, а наследники обязаны были

Несколько мгновений она печально курила.

– Да, у любого из нас достаточно причин желать смерти всем остальным. Чет задушил бы меня прямо сейчас, если бы не опасался, что переволнуется и не сможет потом играть в гольф. Так ведь, дорогой? Рекс считает всех недалекими и, верно, думает, что проявил чудеса терпения и альтруизма, не укокошив нас много лет назад. А мать до сих пор не прикончила деток только потому, что парализована. Джулия, если на то пошло, тоже сварила бы нас в кипящем масле, не моргнув глазом. Что до Ады… – брови Сибеллы сошлись на переносице, взгляд стал свирепым, – Ада просто мечтает нас истребить. Она пришлая и всех ненавидит. Я бы тоже расквиталась с обожаемой семейкой без зазрения совести. Часто об этом подумывала, но так и не решила, какой способ лучше. – Она стряхнула пепел на пол. – Вот видите, если вам нужны мотивы, у вас их в изобилии. Под отцовской крышей нет никого, кто бы не подходил на роль убийцы.

Хотя ее слова должны были звучать саркастически, я не мог отделаться от мысли, что за ними стоит тяжелая, ужасная правда. Вэнса эта речь позабавила. Но я знал, что он внимательно подмечает малейшие модуляции ее голоса и выражение лица, соотнося брошенное ею огульное обвинение с обстоятельствами дела.

– Как бы то ни было, – заметил он небрежно, – вы удивительно искренняя девушка. И я пока не намерен настаивать

весь этот срок жить в усадьбе. – *Примеч. авт.*

на вашем аресте. У меня, видите ли, нет ни малейших улик. Жаль, не правда ли?

– Ничего, – вздохнула Сибелла, напуская на себя разочарованный вид, – улики, быть может, найдутся. Скоро здесь появится еще труп-другой. Обидно же, если убийца вот так остановится на полпути.

Тут в гостиную вошел доктор Вонблон. Честер поднялся ему навстречу и быстро представил присутствующих. Вонблон раскланялся приветливо, однако сдержанно. Мне, впрочем, бросилось в глаза, что с Сибеллой он поздоровался хоть и дружелюбно, но крайне фамильярно. Я немного поломал над этим голову, потом вспомнил, что он старый друг семьи и, вероятно, может обойтись без церемоний.

– Какие новости, доктор? – спросил Маркхэм. – Можно побеседовать сегодня с юной леди?

– Думаю, особого вреда не будет, – ответил Вонблон, усаживаясь рядом с Честером. – У нее небольшой жар на нервной почве, и только. Хотя она все еще в возбужденном состоянии и слаба из-за потери крови.

Доктор Вонблон был безупречно обходительным, чисто выбритым мужчиной лет сорока с мелкими, почти женскими чертами лица. Его светские манеры показались мне наигранными, или, лучше сказать, «профессиональными». Что-то в нем намекало на большое честолюбие и эгоизм. И все же мне он скорее понравился.

Пока доктор отвечал на вопрос, Вэнс не спускал с него

глаз. Думаю, ему не терпелось поговорить с Адой еще больше, чем сержанту.

– Так рана не очень серьезная? – осведомился Маркхэм.

– Нет. Хотя еще немного, и могла быть смертельной. Войди пуля на дюйм глубже, было бы задето легкое. Просто чудо, что этого не произошло.

– Насколько я понял, – вмешался Вэнс, – пуля прошла вдоль левой лопатки.

Вонблон утвердительно наклонил голову.

– Стреляли сзади и, очевидно, метили в сердце, – объяснил он негромким, хорошо модулированным голосом. – В самый момент выстрела Ада, вероятно, чуть дернулась вправо, и пуля пошла не прямо, а вдоль лопатки на уровне третьего грудного позвонка. Прорвала связку и застряла в дельтовидной мышце. – Он дотронулся до левой руки, показывая дельтовидную мышцу.

– Выходит, девушка попыталась убежать от нападавшего, а тот бросился следом и практически ткнул револьвером ей в спину. Я правильно вас понял?

– Полагаю, так оно и было. И, как я сказал, в последний момент она немного повернулась, и это спасло ей жизнь.

– То есть ранение поверхностное. Вы считаете, она сразу упала?

– Вполне возможно. Значительная боль плюс шок. Ада – да и любая женщина, если на то пошло, – могла тут же потерять сознание.

– И будет логично предположить, – продолжал Вэнс, – что нападавший счел рану смертельной?

– Весьма вероятно.

Вэнс затянулся, глядя куда-то в сторону.

– Да, думаю, можно так предположить… И сам собой напрашивается еще один вывод. Поскольку мисс Ада лежала перед туалетным столиком на значительном расстоянии от кровати и поскольку стреляли почти в упор, нападение умышленное, и выстрел сделан отнюдь не случайно и не в панике.

Вонблон пристально посмотрел на Вэнса, а затем вопросительно – на сержанта. Секунду он молчал, взвешивая свои слова, а потом осторожно ответил:

– Да, ситуацию можно интерпретировать и так. На это вроде бы указывают факты. С другой стороны, нападавший подошел к Аде на очень близкое расстояние, что само по себе делает рану потенциально смертельной.

– Справедливо, – согласился Вэнс. – Но как в таком случае объяснить тот факт, что, когда сразу после выстрела в комнату вошел дворецкий, в ней горел свет?

Вонблон крайне удивился.

– Горел свет? Поразительно! – Он в недоумении сдвинул брови, обдумывая услышанное. – Хотя этим может объясняться и само нападение. Если преступник вошел в освещенную комнату, он мог выстрелить просто для того, чтобы его приметы не попали в руки полиции.

– Не исключено! – отозвался Вэнс. – Будем надеяться, что беседа с мисс Адой многое прояснит.

– Так давайте приступим к делу, – проворчал Хис, бесконечное терпение которого стало иссякать.

– Куда вы торопитесь, сержант? – пожурил его Вэнс. – Доктор Вонблон только что сообщил, что мисс Ада очень слаба. Любая предварительная информация избавит ее от лишних вопросов.

– Все, что я хочу знать, это видела ли она стрелка и может ли его описать.

– Если так, боюсь, вашим горячим надеждам не суждено сбыться.

Хис принялся ожесточенно жевать сигару, а Вэнс снова повернулся к Вонблону.

– Еще один вопрос. Через сколько времени после выстрела вы ее осмотрели?

– Дворецкий же сказал, мистер Вэнс, – нетерпеливо вмешался Хис. – Доктор прибыл через полчаса.

– Да, примерно. – Вонблон говорил ровно и буднично. – Когда позвонил Спроут, я, к сожалению, был на вызове, но потом сразу поспешил сюда. По счастливой случайности, я живу здесь рядом, на Восточной Сорок восьмой.

– Когда вы прибыли, мисс Ада все еще была без сознания?

– Да, кровопотеря была значительной. Кухарка, правда, наложила на рану компресс из полотенца. Он, конечно, помог.

Вэнс поблагодарил его и встал.

– А теперь окажите любезность, проводите нас к вашей пациентке.

– Как можно меньше волнений, надеюсь, вы понимаете, – напомнил Вонблон, поднимаясь впереди нас по лестнице.

Выходя из гостиной, я заметил, что Сибелла и Честер вопросительно переглянулись, как будто не могли решить, что им делать. Несколько мгновений спустя они присоединились к нам на втором этаже.

Глава 6. Обвинение (Вторник, 9 ноября, 16.00)

Комната Ады Грин была обставлена просто, почти сурово, но в ее аккуратности и маленьких декоративных штрихах чувствовалась заботливая женская рука. Слева, у двери в гардеробную, через которую можно было попасть к миссис Грин, стояла узкая простая кровать красного дерева. За ней шла дверь на каменный балкон. Правее, у окна, – туалетный столик. На янтарном ворсе китайского ковра перед ним расплылось большое темное пятно неправильной формы. Здесь накануне лежала раненая. У северной стены, по центру, помещался старый высокий камин в стиле Тюдоров, облицованный дубом.

Девушка на постели с любопытством посмотрела на нас, и ее бледные щеки окрасил легкий румянец. Она лежала на правом боку, опираясь перевязанным плечом на подушки за спиной, а ее тонкая белая левая рука покоилась на синем покрывале. В голубых глазах все еще витал ужас прошлой ночи.

Доктор Вонблон присел на край кровати и взял ее за руку. Движение врача было одновременно покровительственным и равнодушным.

– У этих джентльменов есть несколько вопросов, – обод-

ряюще улыбнулся он. – Тебе сегодня намного лучше, и я им разрешил. Как ты, справишься?

Она устало кивнула, не сводя с него глаз.

Вэнс, который рассматривал резьбу на каменной кладке камина, повернулся и подошел к кровати.

– Сержант, если не возражаете, я начну.

Думаю, Хис понял, что ситуация требует деликатности, и с характерным великодушием немедленно отступил.

– Мисс Грин, – начал негромко и доброжелательно Вэнс, пододвигая к кровати маленькое кресло, – мы горячо желаем раскрыть тайну вчерашней трагедии, и, поскольку вы единственная можете нам помочь, то, пожалуйста, расскажите все, что помните.

Девушка сделала глубокий вдох.

– Это было… ужасно, – слабо произнесла она, глядя прямо перед собой. – Я заснула. Точно не знаю, во сколько. И вдруг что-то меня разбудило. Не могу сказать, что именно; внезапно я проснулась, и у меня возникло странное ощущение… – Она закрыла глаза и невольно содрогнулась. – Как будто в комнате кто-то есть и мне грозит опасность…

Настала зловещая тишина.

– В комнате было темно? – мягко спросил Вэнс.

– Да, кромешная тьма, – она медленно перевела на него глаза. – Поэтому-то я и испугалась. Мне почудилось рядом привидение или какой-то злой дух. Я хотела закричать, но не смогла – пересохло во рту и перехватило горло.

– Обычные спазмы от испуга, Ада, – пояснил Вонблон. – Так часто бывает. А дальше?

– Несколько минут я лежала, вся дрожа. В комнате было тихо, тем не менее я знала, да, знала: рядом что-то страшное, опасное… Темнота так меня пугала, что в конце концов я решила включить свет. Я тихо поднялась с кровати. Вскоре глаза начали различать слабый свет с улицы, и я медленно двинулась вперед, чтобы нащупать выключатель у двери. Прошла совсем немного, и вдруг… до меня дотронулась чья-то рука…

Ее губы дрожали, а в широко открытых глазах прыгал ужас.

– Я… я так испугалась, – через силу продолжала Ада, – почти не помню, что делала дальше. Снова хотела закричать, но губы меня не слушались. Тогда я повернулась прочь от… от того, что там было, и бросилась к окну. Сзади послышались шаги – какое-то странное шарканье. Я поняла, что это конец… Раздался ужасный треск, плечо точно обожгло. Мне стало дурно, свет померк, и я упала в темноту…

В комнате воцарилась напряженная тишина. Несмотря на простоту, рассказ девушки был невероятно красноречив. Словно великой актрисе, ей удалось погрузить слушателей в свои чувства.

Через несколько секунд Вэнс участливо произнес:

– Какая страшная история! Совсем не хочется мучить вас расспросами, но нужно прояснить несколько моментов.

Ада ответила на его деликатность слабой улыбкой.

– Постарайтесь вспомнить, что именно вас разбудило. Подумайте хорошенько.

– Нет… Ничего такого не вспоминается.

– Вы вчера заперли на ночь дверь?

– По-моему, нет. Я обычно не запираюсь.

– И вы не слышали, чтобы где-то скрипнула дверь?

– Нет, в доме все было тихо.

– Тем не менее вы были уверены, что в комнате кто-то есть. Почему?

– Не знаю… Наверное, что-то мне подсказало.

– Вот именно! Подумайте еще раз. – Вэнс слегка придвинулся к измученной девушке. – Быть может, легкое дыхание или дуновение воздуха, когда этот человек приблизился к кровати? Едва уловимый аромат духов?

Она наморщилась, силясь восстановить в памяти причину своего панического страха.

– Не могу… Нет, не помню. Я так перепугалась…

– Если бы нам только понять, отчего! – Вэнс бросил взгляд на доктора, и тот понимающе кивнул.

– Очевидно, какой-то раздражитель, который сознание не зафиксировало.

– Мисс Грин, вам не показалось, что вы знаете этого человека? – продолжал Вэнс. – Это был кто-то знакомый?

– Не могу сказать точно.

– Когда вы бросились от преступника к окну, вы не узнали

шаги?

– Нет! – Ее голос впервые зазвучал категорично. – Это были просто шаги, мягкие, как бы скользящие.

– В темноте, разумеется, любой мог бы так идти. Или человек в тапках…

– Всего несколько шагов, а потом этот ужасный звук и жжение.

Вэнс помолчал.

– Сделайте усилие, вспомните шаги. Точнее, вспомните свое ощущение. Мужские они или женские?

Девушка еще сильнее побледнела и испуганно посмотрела вокруг.

Я заметил ее учащенное дыхание. Она дважды порывалась заговорить, но останавливалась и наконец произнесла низким дрожащим голосом:

– Я не знаю. Не имею ни малейшего представления.

Сибелла вдруг коротко рассмеялась, и все изумленно обернулись на этот нервный саркастический смех. Подбоченившись, красная, Сибелла неподвижно стояла у изножья кровати.

– Ну давай, скажи им, что это была я! – язвительно потребовала она. – Ты же этого хочешь! Что, рыдающая кошечка, не хватает смелости нагло врать?

Ада перестала дышать и придвинулась к доктору, который бросил на Сибеллу резкий предостерегающий взгляд. Неловкое молчание прервал Честер:

– Придержи язык, Сиб!

Сибелла пожала плечами и отошла к окну. Вэнс как ни в чем не бывало продолжил беседу:

– Еще кое-что, мисс Грин. Вы двинулись в темноте к выключателю, и до вас кто-то дотронулся. Где вы находились?

– Примерно на полпути к двери.

– Вы сказали, что вас коснулась рука. Коснулась как? Вас оттолкнули или, наоборот, постарались схватить?

Она покачала головой.

– Не совсем. Как же объяснить… Я на нее наткнулась. Будто кто-то протянул ее в мою сторону.

– А рука большая или маленькая? Сильная или слабая?

Снова воцарилось молчание. Тяжело дыша, Ада испуганно покосилась на Сибеллу, которая разглядывала черные качающиеся ветви деревьев за окном.

– Я не знаю. Говорю же, не знаю! – сдавленно воскликнула она с мукой в голосе. – Я не обратила внимания. Это было так неожиданно. Так ужасно.

– И все-таки у вас было определенное ощущение, – продолжал Вэнс настойчиво. – Женская рука или мужская?

Сибелла быстрыми шагами вернулась к кровати. Ее щеки были мертвенно бледны, глаза горели. Секунду она смотрела на страдающую девушку, а затем решительно обернулась к Вэнсу.

– Внизу вы спрашивали, кто мог это сделать. Я тогда промолчала, а теперь скажу. Я вам скажу, кто убийца! – Она мот-

нула головой в сторону кровати и трясущейся рукой указала на лежавшую в ней фигуру. – Вот ваш убийца! Эта слезливая приживалка, ангел во плоти. Змея подколодная!

Обвинение было столь невероятным, столь внезапным, что какое-то время все молчали. С губ Ады сорвался стон, и она в отчаянии судорожно вцепилась доктору в руку.

– Сибелла! Как ты можешь!

Вонблон гневно выпрямился и хотел что-то сказать, но Сибелла уже продолжала свою ошеломляющую сбивчивую обвинительную речь:

– Да-да, она! Столько лет дурачила всех в доме, а теперь водит за нос полицию. Она нас ненавидит с тех самых пор, как отец привел ее сюда. Завидует нашему богатству, крови в наших жилах. Ведь одному богу известно, какая течет в ней. Ненавидит, потому что нам неровня. С радостью отправит всех нас в могилу. И начала с Джулии, потому что та занималась хозяйством и следила, чтобы она не ела хлеб даром. Она нас не выносит и вот придумала, как убрать с дороги.

Больная на постели жалобно смотрела по очереди на всех присутствующих. В ее глазах не было и тени возмущения, только ошеломленность, словно она не верила в реальность происходящего.

– Крайне любопытно, – протянул Вэнс, все это время не спускавший с Сибеллы глаз.

Не столько сами слова, сколько звучавшая в них ирония приковала к нему все взоры.

– Вы в самом деле обвиняете сестру? – переспросил он вежливо, почти дружелюбно.

– Да! – дерзко заявила Сибелла. – Она нас ненавидит.

– Ненавидит… – Вэнс улыбнулся и продолжил без тени неодобрения: – Я как-то не заметил ни в одном из Гринов избытка родственных чувств. Ваше обвинение основано на чем-то конкретном?

– А то, что мы ей мешаем и что, убрав других наследников с дороги, она получит все: свободу, роскошь, легкую жизнь, – это недостаточно конкретно?

– Для такого чудовищного обвинения – нет. К слову, как вы объясните суду обстоятельства преступления? Не можете же вы просто игнорировать тот факт, что мисс Ада сама получила пулю в спину?

Сибелла, видимо, впервые осознала абсурдность такой версии. Она помрачнела и озабоченно поджала губы.

– Я вам уже говорила, я не полицейский. Преступления – это не по моей части.

– Логика, очевидно, тоже. Или я вас неправильно понял? Быть может, вы имели в виду, что мисс Ада убила сестру, а затем кто-то другой – как принято говорить, неустановленное лицо – выстрелил в нее саму, пылая жаждой мести? Так сказать, преступление *à quatre mains?*[26]

Сибелла смутилась.

– В таком случае, – злобно заявила она, – остается только

---

[26] В четыре руки (*фр.*, муз.).

пожалеть, что стрелявший на редкость погано справился со своей работой.

– Возможно, его промах кого-то и огорчит, – многозначительно ответил Вэнс. – И все же я считаю, что вряд ли стоит всерьез рассматривать теорию двух стрелков. Видите ли, в обеих ваших сестер стреляли из одного и того же револьвера тридцать второго калибра, с интервалом всего в несколько минут. Боюсь, придется нам удовольствоваться одним обвиняемым.

Сибелла задумалась, а затем, осененная внезапной мыслью, спросила:

– А у тебя какое оружие, Чет?

– Ну да, старый «смит-и-вессон» тридцать второго калибра. – Честеру было явно не по себе.

– Да неужели? Так-так.

Она снова отошла к окну.

Напряжение в комнате спало, и Вонблон озабоченно наклонился к раненой, поправляя подушки.

– Не волнуйся, Ада. Завтра Сибелла раскается и загладит вину. Мы все на взводе.

Девушка посмотрела на него с благодарностью.

Секунду спустя доктор выпрямился и посмотрел на окружного прокурора.

– Надеюсь, это все, джентльмены? По крайней мере, на сегодня.

Вэнс и Маркхэм немедленно встали, и мы с сержантом по-

следовали их примеру. Но тут к нам быстро подошла Сибелла и властно скомандовала:

– Стойте! Я кое-что вспомнила. Револьвер Чета! Я знаю, куда он делся. Это она взяла. Я видела ее на днях в его комнате и еще подумала, что это она там рыщет. – Она бросила на Вэнса победоносный взгляд. – Теперь достаточно конкретно?

– Когда это произошло, мисс Грин? – Он, как и прежде, погасил эффект ее яда своим спокойствием.

– Когда? Точно не помню. На прошлой неделе.

– Не в тот ли день, когда вы искали изумрудную булавку?

Сибелла помолчала, а затем сердито промолвила:

– Я не помню. Да и зачем мне? Зато я знаю, что шла мимо комнаты Чета и в приоткрытую дверь увидела ее. У стола.

– А в том, что мисс Ада зашла в комнату вашего брата, есть что-то необычное? – спросил Вэнс без особого интереса.

– Она ни к кому из нас не заходит. Кроме Рекса. Джулия давным-давно ее отучила.

Ада посмотрела на сестру с выражением бесконечной мольбы.

– Сибелла, – простонала она, – за что ты меня так не любишь? Что я тебе сделала?

– Что сделала?! – Пронзительный голос звучал безжалостно, а устремленные на сестру глаза сверкали почти демонически. – Все! И ничего! О, ты не глупа! Раболепная тихоня! Терпеливая, вечно виноватая святоша! Но мне ты не пу-

стишь пыль в глаза. Ты ненавидишь всех нас с самого первого дня, только и ждешь удобного случая с нами разделаться. Ты все спланировала, жалкое ничтожество…

– Сибелла! – словно ударом хлыста, прервал доктор Вонблон эту сумасшедшую обличительную тираду. – Довольно!

Он подался вперед и грозно посмотрел ей в глаза. Его резкие слова поразили меня почти так же, как дикое обвинение Сибеллы. Была в них странная близость, бесцеремонность, которую не ожидаешь от семейного доктора, пусть он и старый друг семьи. Брови Вэнса тоже поползли вверх – он наблюдал за этой сценой с большим любопытством.

– У тебя истерика, – сурово продолжал Вонблон, не спуская с Сибеллы глаз. – Ты сама не знаешь, что говоришь.

Мне подумалось, что, не будь здесь посторонних, он употребил бы куда более крепкие выражения. Но и этих слов оказалось достаточно. Сибелла потупилась и вдруг, закрыв лицо руками, затряслась от рыданий.

– Простите… Какая я идиотка… Наговорила тут…

– Честер, отведи Сибеллу в ее комнату, – попросил Вонблон деловитым тоном. – Она переволновалась.

Сибелла без единого слова повернулась и вышла в сопровождении брата.

– Современные женщины – комок нервов, – лаконично прокомментировал доктор и положил руку больной на лоб. – А юной леди придется дать успокоительное. Иначе, Ада, ты не заснешь.

Не успел он достать микстуру из своего чемоданчика, как из соседней комнаты явственно донесся пронзительный плаксивый голос, и я впервые заметил, что дверь небольшой гардеробной, ведущей в покои миссис Грин, слегка приоткрыта.

– Что теперь стряслось? Мне мало волнений? Без этих бурных сцен прямо под ухом никак не обойтись? Ну конечно, мои страдания никому не интересны… Сестра! Закройте дверь. Вы же знали, что я пытаюсь уснуть. Так почему оставили ее открытой? Мне назло?.. Сестра! Вот что, передайте доктору: я хочу его видеть. У меня снова стреляет в спине. Беспомощная, всеми забытая калека…

Дверь бесшумно затворилась, и капризный голос стих.

– Будь это правдой, она давно бы велела закрыть двери, – устало произнесла Ада, осунувшееся бледное лицо которой выражало страдание. – Доктор Вон, ну почему она делает вид, что все специально ее мучают?

Вонблон вздохнул.

– Я уже тебе говорил. Не обращай внимания. Раздражительность и жалобы – неотъемлемые спутники ее болезни.

Мы попрощались с девушкой и вслед за доктором вышли из комнаты.

– Боюсь, вы узнали немного, – заметил он, почти извиняясь. – К большому сожалению, Ада не видела нападавшего. – Он повернулся к сержанту. – Между прочим, вы проверяли стенной сейф в столовой? Знаете, там над каминной доской

за большой червленой панелью…

– С него и начали, – с легкой насмешкой отозвался Хис. – Кстати, док, завтра утром я хочу прислать к мисс Аде своего человека, чтобы снять отпечатки пальцев.

Вонблон любезно согласился и протянул руку Маркхэму.

– Если я чем-то могу быть полезен вам или полиции, – добавил он вежливо, – прошу, обращайтесь. Буду рад помочь. Не представляю, правда, чем, но как знать.

Маркхэм поблагодарил его, и мы спустились на первый этаж, где уже стоял Спроут с нашими пальто наготове. Минуту спустя мы сели в машину окружного прокурора.

Глава 7. Аргументы Вэнса (Вторник, 9 ноября, 17.00)

Когда мы добрались до здания уголовного суда, было без малого пять часов. Свэкер зажег в кабинете Маркхэма старинную бронзовую люстру с керамическими плафонами; в ее неярком свете комната выглядела унылой и мрачной.

– Ну и семейка, дружище, – вздохнул Вэнс, откидываясь на спинку глубокого кожаного кресла. – Определенно нехорошая. Как переросшее растение. И куда подевалась былая сила? Если бы предки современных Гринов взглянули из своих усыпальниц на нынешнее поколение, клянусь, с ними случилась бы истерика!.. Удивительно, как эти старые семейства деградируют в атмосфере лени и праздности. Виттельсбахи, Романовы, все эти Юлии-Клавдии, Аббасиды – сплошь тупиковые эволюционные ветви… И с целыми народами то же самое. Роскошь и неограниченные удовольствия развращают. Рим во времена «тридцати тиранов», Ассирия при Сарданапале, Египет в эпоху поздних Рамессидов, Вандальское королевство в Африке при Гелимере… Удручающе.

– Вашу эрудицию лучше бы демонстрировать перед историками и социологами, – проворчал Маркхэм, не скрывая раздражения. – Чем эти факты помогут нам, и какое вообще

отношение они имеют к делу, я, извините, не понимаю.

– Ну зачем же так категорично? Я выношу на ваше глубокомысленное рассмотрение характеры и взаимоотношения членов этого клана. Они послужат нам вехами на темной следственной дороге… Вообще вы знаете, – продолжал Вэнс не без юмора, – какая жалость, что вы с сержантом одержимы идеей социальной справедливости и прочей чепухой. Общество только выиграет, если Грины и им подобные исчезнут с лица земли. Хотя дело занимательное, крайне занимательное.

– К сожалению, не разделяю ваш энтузиазм, – резко ответил Маркхэм. – Это банальное и грязное преступление. Сегодня утром я сказал бы несколько подходящих случаю фраз и отправил Честера восвояси. Но тут вы – с вашим заступничеством, таинственными недомолвками и покачиванием головы. И я по глупости позволил себя в это втянуть. Надеюсь, день у вас выдался приятный. А вот у меня впереди еще три часа накопившейся работы.

Последнее предложение недвусмысленно намекало, что нам пора откланяться, однако Вэнс и ухом не повел.

– Побуду с вами еще немного, – заявил он с добродушной улыбкой. – Мой друг прискорбно ошибается. Как же я его брошу? Вам необходимо руководство, Маркхэм, и я решительно настроен вывернуть наизнанку перед вами с сержантом свою трепещущую душу.

Окружной прокурор нахмурился. Он достаточно знал

Вэнса и понимал, что тот говорит очень серьезно и веселость – лишь маска. Годы близкой дружбы научили его, что поступки Вэнса, какими бы иррациональными они ни казались, никогда не продиктованы досужей прихотью.

– Хорошо, – неохотно уступил он. – Но буду признателен за краткость.

Вэнс печально вздохнул.

– Вот оно, наше суматошное время. Все куда-то спешим… – Он вопросительно посмотрел на сержанта. – Скажите, вы видели тело Джулии Грин?

– Само собой.

– Ее поза на кровати была естественной?

– А мне откуда знать, что для нее естественно? – Хис был не в духе. – Она полулежала на подушках, под одеялом.

– Вы не заметили ничего необычного?

– Вроде нет. Следов борьбы не было, если вы об этом.

– А руки? Они были спрятаны?

Хис удивленно поднял голову.

– Нет, сверху. И, раз уж вы об этом заговорили, она сжимала одеяло.

– То есть вцепилась в него?

– Ну да.

Вэнс стремительно наклонился вперед.

– А лицо, сержант? Ее убили во сне?

– Вряд ли. Глаза были широко раскрыты, она смотрела перед собой.

– Глаза раскрыты, смотрела перед собой, – повторил Вэнс с нарастающим волнением в голосе. – Что, по-вашему, выражало ее лицо? Страх? Ужас? Удивление?

Хис внимательно посмотрел на Вэнса.

– Да все, что вы перечислили. Рот был приоткрыт, как будто она чему-то удивлялась.

– И обеими руками вцепилась в одеяло. – Вэнс посмотрел куда-то вдаль, потом медленно встал и, опустив голову, прошелся взад-вперед. Перед столом окружного прокурора он остановился и оперся руками о спинку кресла. – Послушайте, Маркхэм. В этом доме происходит что-то ужасное. Немыслимое. Никакой случайный грабитель не вламывался туда вчера через парадную дверь. Преступление было спланировано, заранее просчитано. Кто-то выжидал в засаде. И этот кто-то знал дом, знал, где расположены выключатели, когда все отправляются спать, когда уходят к себе слуги – знал точно, как и когда нанести удар. За всем, что произошло вчера, – глубокий и ужасный мотив, бездонная пропасть, темные, смердящие уголки человеческой души. В этом преступлении черная ненависть, извращенные желания, отвратительные склонности, нездоровые амбиции. И вы только играете на руку убийце, отказываясь все это признать.

Он говорил странно глухо, и трудно было поверить, что это все тот же веселый и циничный Вэнс.

– Дом Гринов охвачен заразой. Он разлагается. Быть может, не в прямом смысле, но моральное разложение в тысячу

раз страшнее. Гниет сама суть этого дома. И с ним – все его обитатели, теряя нравственность, здоровье духа и рассудок. Их отравляет атмосфера, которую они сами же и создали. В подобной ситуации преступление просто неизбежно. Удивительно, что не дошло до чего-нибудь еще более грязного и мерзкого. Это всего лишь одна из многих ступеней общей деградации их ненормального рода.

Вэнс замолчал и умоляюще протянул руку.

– Только подумайте. Старый одинокий большой дом, который дышит плесенью ушедших поколений, истлевший внутри и снаружи, стоит посреди запущенного участка, и бок его лижут грязные волны реки… А теперь вспомните разношерстную компанию беспокойных нездоровых существ, которые благодаря чрезмерному идеализму Тобиаса Грина должны жить бок о бок четверть века. Изо дня в день они дышат тлетворными миазмами прошлого, слишком слабые и трусливые, чтобы что-то изменить и идти своим путем, удерживаемые обманчивой стабильностью и развращающей праздностью. Постепенно они начинают ненавидеть друг друга, озлобляются и ожесточаются, безжалостно треплют друг другу нервы, утопают в обидах, пылают ненавистью, погрязают в черных мыслях, жалуются, дерутся, огрызаются… В конце концов наступает переломный момент, и разъедающая их ненависть обретает осязаемую форму.

– Все это понятно, – согласился Маркхэм. – Но ваши выводы – чистая теория, если не сказать – голословные утвер-

ждения. Что именно доказывает связь между вчерашними выстрелами и ненормальной, спору нет, ситуацией в особняке Гринов?

– Конкретно – ничего, в этом-то и ужас. Однако определенные, хотя и неясные, связи присутствуют. Я ощутил их, как только ступил на порог, и весь день пытался вслепую их нащупать. Они все время ускользали. Словно перед нами дом из лабиринтов, тупиков, капканов и вонючих каменных мешков – абсолютно ничего нормального и вменяемого. Дом, живущий в ночном кошмаре, населенный странными нездоровыми существами, в каждом из которых проглядывает призрачное чудовище, что прошлой ночью вырвалось на свободу и пошло бродить по старым коридорам. Вы разве не почувствовали? Не заметили, что его смутные очертания то и дело появлялись во время наших разговоров с этими людьми, которые не в силах превозмочь собственные жуткие мысли и подозрения?

Маркхэм нервно пошевелился и поправил стопку бумаг перед собой. На него произвела впечатление непривычная серьезность Вэнса.

– Я прекрасно понимаю, о чем вы. Но все эти ощущения нисколько не приближают нас к иной версии. В особняке Гринов есть что-то нездоровое – вне всяких сомнений. И в его обитателях, безусловно, тоже. Но вы слишком поддались его влиянию. Вас послушать, так это преступление нужно ставить в один ряд с отравительными оргиями Борджиа,

темными делами маркизы де Бренвилье, убийством Друза и Германика в Древнем Риме или удушением малолетних Эдуарда Пятого и Ричарда Йоркского в Тауэре. Да, атмосфера особняка вполне созвучна такого рода закулисным романтическим преступлениям, но взломщики и бандиты каждую неделю ни за что ни про что убивают людей по всей стране. Как и произошло с сестрами Грин.

– Вы закрываете глаза на факты, – серьезно заявил Вэнс. – И упускаете из виду необычные подробности вчерашнего преступления: исполненное ужаса и изумления лицо Джулии перед смертью, ничем не объяснимый интервал между выстрелами, свет в обеих комнатах, коснувшаяся Ады рука, отсутствие малейших признаков взлома…

– А как же следы на снегу? – сухо осведомился Хис.

– Действительно, как же следы? – повернулся к нему Вэнс. – Они столь же необъяснимы, как и все остальное в этом гнусном деле. Кто-то пришел и ушел незадолго до преступления, но этот кто-то знал, что сможет бесшумно попасть в дом, не привлекая внимания.

– Это я вам объясню в два счета, – заявил практичный сержант. – В доме четверо слуг, и любой из них мог быть подельником.

Вэнс иронически улыбнулся.

– Да, только сообщник, который великодушно впустил взломщика в дом в назначенный час, забыл сообщить ему, где хранятся ценности, и не познакомил с расположением

комнат, отчего бандит заблудился, вместо столовой забрел наверх, ходил на ощупь по темному коридору, запутался в спальнях, впал в панику, подстрелил двух женщин, включил свет выключателями, которые спрятаны за мебелью, бесшумно спустился вниз, хотя в нескольких метрах от него находился Спроут, и преспокойно покинул дом через парадную дверь!.. Вот так взломщик, сержант. А пособник в доме и вовсе неординарный. Нет, ваше объяснение не годится. Решительно не годится.

Он вновь обратился к Маркхэму:

– И раскрыть это дело без понимания нездоровой ситуации в доме нельзя.

– Ситуация нам известна, Вэнс, – терпеливо возразил окружной прокурор. – Да, она необычна. Однако вовсе не обязательно криминальна. Антагонистичные люди часто вынуждены жить вместе и начинают друг друга ненавидеть. Но эта ненависть редко приводит к убийству и сама по себе не доказывает наличие состава преступления.

– Может, и так. Тем не менее ненависть и вынужденное соседство порождают разнообразные отклонения – грязные страсти, одиозные пороки, дьявольские интриги. И в нашем деле бесконечное множество зловещих фактов, которые требуют объяснения.

– Ну наконец-то вы переходите к конкретике. Какие же факты требуют объяснения?

Вэнс закурил и присел на край стола.

– Например, почему Честер Грин вообще пришел сюда за помощью? Потому что исчез револьвер? Возможно. Но вряд ли причина только в этом. И кстати, о револьвере. Он действительно пропал? Или Честер его спрятал? Чертовски темная история. Сибелла видела его на прошлой неделе. Но видела ли? Многое прояснится, когда мы установим перемещения этого револьвера… Почему Честер так явственно слышал первый выстрел, а Рекс не услышал второго, в соседней комнате?.. Большой интервал между выстрелами… Спроут, наш дворецкий-полиглот, который читал Марциала – Мар-ци-а-ла! – и тут же спустился, но ничего не видел и не слышал… Как расценивать пророческие заявления Хемминг про Господа Саваофа, который карает Гринов, как сделал это с сыновьями Вавилона? У нее есть какое-то смутное религиозное объяснение случившемуся. Хотя, может, и не смутное… А немка-кухарка? Вот женщина с прошлым, образно говоря.

При всей флегматичности она не из прислуги и тем не менее больше десяти лет добосовестно кормит Гринов. Помните, как она объяснила свое появление в доме? Ее муж дружил со стариком Тобиасом, и тот распорядился оставить место за ней, сколько она пожелает. Здесь тоже много несуразного, Маркхэм, чересчур много. Далее, Рекс с его гипертрофированным теменем, тщедушным телом и регулярными приступами. Почему он так разволновался от наших вопросов? Нет, он не похож на невинного свидетеля неудавшей-

ся кражи. И, повторюсь, свет. Кто его включил и зачем? В обеих комнатах! В спальне Джулии – до выстрела, поскольку она видела убийцу и понимала, что он намерен сделать, и в комнате Ады – после! Вот факты, которые, так сказать, вопиют о разъяснении. Без оного они просто безумны и иррациональны. Почему глубокой ночью, когда Спроут позвонил Вонблону, того не было дома? И как ему удалось оказаться на месте так скоро? Совпадение?.. Кстати, сержант, загадочные следы у дома похожи на следы Вонблона?

– Не определишь. Слишком крупный снег.

– Ну, скорее всего, это и не важно. – Вэнс снова повернулся к Маркхэму и продолжил перечислять: – Выстрелы разнятся. Джулию убили в постели и спереди, а в Аду стреляли сзади, когда она встала, хотя у преступника было достаточно времени, чтобы подойти и прицелиться. Почему он молча ждал, пока она поднимется? Как вообще он мог ждать, после того как убил Джулию и разбудил дом? Паника? Или все-таки холодный расчет? Почему дверь Джулии в такой час оказалась открытой? Это особенно любопытно. И вы, быть может, заметили, что Честер самолично позвал Сибеллу для разговора в гостиной, и вернулись они не сразу. Почему он не отправил за ней Спроута, как в случае с Рексом? И почему так долго не возвращался? О чем они говорили? Я жажду объяснения… Почему Сибелла уверена, что это не ограбление, но не желает озвучить свою версию? Она выставила всех членов семьи, включая себя, как возможных подозреваемых.

Что кроется за ее саркастической откровенностью? Теперь рассказ Ады. Поразительный, непонятный, почти фантастический. В комнате было тихо, но она чувствовала чье-то пугающее присутствие. Протянутая рука, шаркающие шаги. Ее нежелание сказать, мужская рука или женская, и то, что Сибелла приняла это на свой счет. Мы просто обязаны разобраться, Маркхэм! А обвинение, брошенное Сибеллой? Что за ним стоит? И не забудьте любопытнейший эпизод, когда Вонблон упрекнул ее за истерику – весьма интимно, *ca sauté aux yeux*[27]. Вы заметили, как послушалась его Сибелла? И вы, конечно, обратили внимание на Аду: она буквально прилипла к доктору во время этой сцены. Смотрела томными глазами, искала защиты. Наша крошка к нему неровно дышит. А он ведет себя профессионально-покровительственно, как и положено высокооплачиваемому эскулапу. С Сибеллой же обходится так, как мог бы Честер, если бы у него хватало духу.

[27] Очевидно (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.